

Денис Бурмистров

РАВНОВЕСИЕ ПАРЕТО

Денис Евгеньевич Бурмистров

Равновесие Парето

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6737882
Равновесие Парето: ЭИ «@элита»; Екатеринбург; 2013*

Аннотация

Обычному клерку армейский товарищ оставляет квартиру в далёком шахтёрском городке Славинск. Движимый меркантильным интересом, главный герой приезжает ознакомиться с подарком и, сам того не желая, становится участником поистине странных и пугающих событий. По улицам бродят жуткие существа, сами улицы вдруг меняют свои направления, а люди вокруг по необъяснимой причине пропадают.

Теперь основным желанием становится выжить. Выжить и поскорее убраться из ставшего ловушкой города.

Содержание

1	5
2	27
3	40
4	48
5	78
6	97
7	113
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Денис Бурмистров

Равновесие Парето

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Почему-то у меня всегда сложно получается находить общий язык с военными. И не имеет значения наличие и количество звёзд, лычек, род войск, телосложение – меня не покидает ощущение того, что они смотрят на меня несколько высокомерно и пренебрежительно, как бы оценивая. Возможно, на самом деле это и не так. Скорее всего, проблему я сам себе и надумал. Но поделаться с этим я ничего не могу.

– Добрый день, – проямлил я. – Это вы Шишов?

Не поймите меня неправильно – я служил в армии, в этом плане у меня нет комплексов. Но, положив руку на сердце, свой годичный срок в штабе дивизии я и службой-то назвать не могу. Призвался я после университета, как и сотни моих товарищей-студентов, типичный «пиджак», инженер. Отцовские связи помогли попасть в хорошую часть, недалеко от дома. Оружие держал лишь на принятии Присяги, да и то муляж. Рисовал стенгазеты, печатал учебные планы офицерам. Штабная крыса, чего уж там. Конечно, были и свои трудности, но от общеизвестной солдатской романтики Бог миловал. Меня и били-то всего однажды. Впрочем, били тоже слишком громкое слово – один раз ударили в лицо, разбив нос. Как-то при штатном переезде из кабинета в кабинет пропал компьютер, обвинили меня. Грозили дисбатом и карами неземными, нависая тяжёлыми погонами. Возмущён-

ный обвинением, я внутренне негодовал, готовый взорваться. И позволил себе перебить зампотыла, который рассказывал собравшимся офицерам план моего коварного преступления. Зампотыл только сверкнул глазами – и двинул мне в нос.

Смешно говорить – я чуть не расплакался тогда от такой несправедливости. Хотел даже сбежать, угрюмо муссируя обиду у себя в каморке под лестницей. Не сбежал. И не расплакался. Лишь до конца жизни невзлюбил всех штабистов.

А компьютер нашли. В суете его убрали в бытовку, завалив сверху архивной документацией. Кто это сделал – так и осталось тайной.

Так что, пусть и отслужив срочную, не чувствовал я себя защитником Родины. Потому-то и испытывал внутренний стыд и смущение перед кадровыми военными. Особенно перед воевавшими. В большей мере перед воевавшими.

Пилот старенького вертолёта МИ-2, к которому я сейчас обращался, явно был отставным военным лётчиком. И, по моему, успел на своём веку где-то поучаствовать.

– Я Шишов, – отозвался хриплым голосом и повернулся ко мне худой, низкого роста человек в синем, с пятнами масла на комбинезоне, в мятой пилотке без кокарды. Острое, с резкими чертами лицо, бледно-голубые глаза, с безразличием вззирающие на меня. Ну вот, опять...

– Извините. – Я буквально ощутил, как непроизвольно ло-

мается голос. Я кашлянул в кулак, отведя глаза вниз. Так стало легче.

– Извините, мне сказали, что это вертолёт в Славинск. Вот. – Я протянул аккуратно сложенный листок с плохо читаемым машинописным текстом. Под рядами символов и цифр стояла яркая на этом блёклом фоне круглая печать и подпись какого-то чиновника аэропорта. – Сказали отдать вам.

Пилот Шишов молча взял у меня этот своеобразный билет, не глядя запихал в карман.

– Чего вас сегодня в Славинск понесло? – довольно грубо поинтересовался он. – Я по графику два раза в неделю летаю. Пришли бы послезавтра.

– Я оплатил...

– Да вижу, что оплатил, – как-то совсем уж бесцеремонно лётчик перешёл на «ты», закуривая вонючую папиросу из разлохмаченной красной пачки. – Погуляй минут пятнадцать, кофе попей, что ли. Мне в диспетчерскую надо, сводку посмотреть. Будь здесь, – вертолётчик посмотрел на часы, – в половину.

Я тоже посмотрел на часы. Совет лётчика про пятнадцать минут не совсем стыковался с просьбой прийти к половине – время было без трёх минут четыре по полудню. Но спорить я не стал. Поправил большую спортивную сумку и потопал в сторону двухэтажного здания аэропорта.

В полупустом зале ожидания пахло плохим кофе и пирожками. Висящий на опасно накренившемся кронштейне теле-

визор неразборчиво бурчал, демонстрируя абсолютно скучный видеоряд про дачные будни какого-то малознакомого мне артиста. Я прошёл между рядами деревянных лавок с грязными, потёртыми спинками, сел с краю, ближе к окну. Напротив меня дремала старушка с зелёным рюкзаком-«сидором» на коленях, по другую сторону лавки, спиной ко мне, шелестел газетой морщинистый дед в кепке. Я окинул взглядом маленький зал, но, не найдя ничего достойного своего внимания, уставился сквозь пыльное стекло на взлётное поле.

Сюда меня привёз маршрутный автобус из районного центра. Гремящая, пахнущая резиной и соляркой конструкция с ручным турникетом на входе, поистине раритет из моего детства. Пассажиров было не много, причём большая часть, выехавшая из города, вышла на полпути, возле поворотов на сёла и деревни. До конечного пункта доехало человек семь, не считая меня. Из них, опять же если судить по деловитости и целеустремлённости, двое или трое являлись работниками этого же аэропорта. Да и сам аэропорт оказался совсем не таким, каким я его себе представлял. Привыкший к шумной суеде больших городов, я думал, что увижу нечто знакомое, с автоматическими дверями, огромными перекидными табло, рамками охраны, большими аэробусами и многими – многими людьми, снующими в погоне за ускользающим временем.

Теперь же, сидя на жёсткой лавке и оглядываясь по сторонам, я понял, что попал не в аэропорт. Я попал на аэродром,

используемый под нужды аэропорта. Используемый не от хорошей жизни, просто в большинство мест этого края кроме как по воздуху добраться не представлялось возможным.

Собственно, для этого я здесь и появился.

Не зная, чем себя занять, я в который уже раз проверил сеть сотового телефона. К моему сожалению, но уже привычно изображение наличия связи не появилось. Убрал телефон, вздохнув. Из внутреннего кармана пальто извлёк сложенный вдвое конверт, достал прямоугольный листок с отпечатанным на машинке текстом. Без интереса пробежал глазами по строчкам.

«Уважаемый Ермаков Игорь Витальевич. Настоятельно прошу Вас связаться... Вам необходимо прибыть в г. Славинск... Вступить во владение дарственной... квартира, принадлежавшая ранее Краснову Денису Семёновичу... присутствие лично... Нотариус Савохин А. Ю.».

Прочитанные уже, наверное, в десятый раз, строки так и не складывались для меня в логичную и объяснимую картину. Какая-то ирреальность происходящего, некое сомнение в правильности понимания маячили за этим письмом. Скажите, с чего бы старому армейскому сослуживцу, имя которого уже забыто за давностью лет, завещать вам квартиру, пусть даже на краю страны?

Вот и я не мог взять в толк, с какой стати это произошло.

Ожил громкоговоритель. Сначала в зал ворвались треск и шум из больших динамиков под потолком, потом искажён-

ный женский голос, обесцвеченный скукой, произнёс:

– Пассажиров, летящих до Лазурной Косы, просят пройти на взлётную полосу. Повторяю...

В воздухе раздался общий выдох, несколько человек поднялись со своих мест и потянулись к двойным стеклянным дверям, ведущим на бетонные плиты взлётного поля. Спустя время эти же люди, навьюченные большими рюкзаками, клетчатыми сумками, тянущие за собой тележки и детей, прошли мимо меня по ту сторону большого стёкла и направились к стоящему на краю поля жёлтому самолёту-«кукурузнику» с заботливо поставленной лесенкой у люка.

Помимо этого самолёта в пределах моего поля зрения были видны два вертолёта, большой, цвета хаки, потёртый, и маленький, новенький, пёстро покрашенный, ряд ангаров на границе с лесом, полосатая метеовышка и два флагштока без флагов. А совсем вдалеке, где-то на горизонте, за лесом, виднелся излом гор. Вот туда-то мне и нужно было. В славный город Славинск.

Я посмотрел на часы и решил, что пора бы уже и мне идти. А то, глядишь, пилот Шишов ещё куда-нибудь сгинет на своём винтокрылом чудовище, забыв обо мне. Думаю, с него станется.

В который уже раз за сегодня я пересёк зал и вышел на взлётное поле, поморщившись из-за неприятно громких звуков снаружи. Жёлтый «кукурузник» уже выруливал на уходящую вдаль взлётную полосу, поросшую жухлой травой.

Низкое осеннее солнце подсвечивало редкие облака, тени от которых лениво плыли по бетонке. Мимо меня промчался автозаправщик с бордовой цистерной, следом прошли два молчаливых ремонтника. Ветер с их стороны принёс душный запах горячего машинного масла и керосина.

Лётчик оказался на месте. Он деловито забрасывал через распахнутый люк внутрь вертолёт картонные коробки, сложенные аккуратной стопкой на деревянном поддоне подле него. Моё приближение он отметил угрюмым косым взглядом, но работу не прервал.

– Пришёл? – задал риторический вопрос пилот Шишов. – Сейчас загрузимся и полетим. Покури пока.

– Да я не курю. – Тон почему-то вышел каким-то извиняющимся, словно моё негативное отношение к табакокурению было чем-то постыдным. Я в очередной раз мысленно обругал себя.

– Чего ты в Славинске-то забыл? Родственники? – вдруг поинтересовался лётчик.

– Да дела у меня там.

– Дела? – скептически ухмыльнулся Шишов, швырнул очередную коробку в недра вертолёт. Там загрохотало, перекатываясь и сваливаясь. – Какие там могут быть дела? И с кем? Или ты один из этих?

– Из каких этих? – не понял я.

– Из тех, которые. – Лётчик хрипло хохотнул. – Ладно, проехали.

Он вдруг крикнул, видимо, не ожидая веса очередной посылки, согнувшись в пояснице, дотащил её до люка.

– Дела у него, – сам себе пробубнил Шишов. – Все оттуда, а эти туда. Чёрт-те что...

Он что-то ещё пробурчал, неразличимое в хриплом ворчании, опять закурил, зажав мятую папиросу между жёлтыми зубами. Я скромно отошёл в сторону.

На коробках чёрным маркером жирно написано «Дробня». Если мне не изменяет память, посёлок Дробня не совсем по пути в Славинск. Я могу, конечно, и ошибаться, но перед поездкой пришлось довольно подробно изучать карту района в поисках дорог и маршрутов. Местность, куда я приехал, оказалась на удивление дикой и малоосвоенной, между населёнными пунктами пролегали километры целины, лесов или сопок. И без того пересечённый ландшафт то и дело прорезали скальные гряды и овраги. В таких условиях проложить автомобильные трассы оказалось делом практически невыполнимым, поэтому эволюция дорог дальше бетонных настилов не ушла. Думаю, не погрешу против истины, если предположу, что за пределами районного центра дороги и вовсе превращаются в утрамбованные глиняные тракты, местами посыпанные щебнем.

Более того, неожиданностью для меня стало то, что, как оказалось, в Славинск дорог и вовсе нет. Сам город расположен в глубине горного кольца, прямо в центре природного кратера, в сжатой каменными стенами долине. Честно гово-

ря, мне даже немного не по себе стало, когда я представил жизнь в таком месте. Страшно ведь, когда хочешь уехать, а не можешь.

Вертолётчик закончил погрузку, гулко похлопал себя по рукам и ногам, отряхиваясь. Закурил, задумчиво склонив голову и уставившись в одну точку.

– В Дробню повезёте? Далековато, – решил блеснуть познаниями я. Отчего-то хотелось наладить отношения с этим угрюмым пилотом. Так хочется найти общий язык с проводником в поезде, чтобы ехать чуть удобнее, на чистом белье и получать немного больше сахара для чая. Кто-то внутри меня презрительно фыркнул.

Шишов поднял свои холодные глаза на меня, потом бросил взгляд в зияющий провал люка.

– Да, в Дробню, – даже с каким-то вызовом вдруг ответил он. – Машина назад почти порожняком идёт, чего зря горючку палить. Почта, медикаменты, крупы там.

Он повернулся спиной, пошёл в сторону кабины. Бросил из-за плеча:

– Садись. Взлетаем.

Уже залезая по ребристой лесенке в салон вертолёта, я думал о том, что такой резкий ответ меня несколько покоробил. А потом вдруг, к своему стыду, сообразил – пилот подумал, что я против его полёта в Дробню. Я же внеурочно лечу, вне стандартного плана полётов. Так сказать, частным рейсом. А пилот решил заодно и подхалтурить, на обратном

пути залететь в соседний посёлок и отвести туда груз. Может, забрать кого из ждущих своего дня пассажиров. Естественно, такие полёты не были в штатном расписании и считались не совсем законными – весь заработок шёл напрямую пилоту, минуя кассу аэропорта. И, видимо, Шишов подумал, что я своим вопросом даю понять, что мне о его афере стало известно, что я могу и сдать его, если что не так.

Так мне стало неловко от этих мыслей, так возмутительно. Захотелось сейчас же пройти в кабину пилота и сказать, что я ничего такого в виду не имел. Но тут один из рабочих оттащил снаружи лестницу, люк с лёгким хлопком закрылся. Где-то над головой заработали турбины, разгоняя винты.

– Сядь и пристегнись, – крикнул сквозь открытую дверь внутреннего отсека лётчик. Он был уже в большом, дутом шлеме с поднятым светофильтром. Руки его ловко летали над пультом, щёлкая тумблерами.

Я устроился в одном из дюжины пассажирских кресел, попарно расположенных вдоль бортов грузового отсека, поставил сумку в проходе, возле нагромождения коробок. Отметил, что в вертолёте почему-то пахнет сеном.

Пол под ногами качнулся, я поскорее пристегнулся ремнями безопасности. Сквозь толстое стекло пыльного иллюминатора было видно, как уходит вниз похожая на серое, выцветшее лоскутное одеяло бетонка взлётного поля, как уменьшается здание аэропорта, как горизонт накатывает перспективой, раздвигаясь в разные стороны.

Я откинулся на спинку кресла и попытался задремать, стараясь не обращать внимания на клёкот мотора над головой. Перелёт должен занять больше полутора часов, а заняться чем-то ещё не представлялось возможным. Да и сон, сдаётся мне, не такое уж и плохое времяпровождение. Всё лучше, чем грузить коробки.

Почему-то эта мысль заставила меня улыбнуться. А ещё через пару минут я выпал из реальности, погрузившись в чёрный омут небытия.

Очищенная картошка с глухим стуком ударилась о поверхность чугунной раковины и скатилась к дюжине себе подобных, сгрудившихся у сливного отверстия. Я протянул руку и взял из полиэтиленового пакета очередную жертву, покрупнее.

Время на часах давно перевалило за полночь. Самое время немного подкрепиться. Сегодня на ночном столе у нас жареная картошка, чай, батон и банка сгущёнки. Причём картошка, жаренная не на вонючем комбизире, как обычно, а на настоящем, цивильном сливочном масле. Вкуснятина.

Дедушка-хлеборез попросил достать ему офицерскую шинель. То ли увольняться он в ней собрался, то ли обложку дембельского альбома обтянуть, не знаю. Он не сказал, я не спросил. Как бы там ни было, хлеборез попросил помочь, а хлеборезам и каптёрам в армии отказывают только полные кретины.

Озадачился я не один, а со своим товарищем, который тоже служил при штабе. Такой же «пиджак», как и я, окончивший совсем уж бесполезный в армии факультет филологии. Звали его Денис Краснов, и был он переведён из другой части как хороший специалист по компьютерам и диковинному для тогдашнего поколения военных Интернету. Говорят, что Денисом нашего командира части отблагодарил другой командир части, находящейся по соседству, за какую-то услугу. Вроде наш команча ему безвозмездно машину с песком отдал и ещё солдат нагнал на разгрузку. К слову, за нашим Батей водились иногда такие шаги невиданной щедрости, но чрезвычайно редко и бессистемно. А этого полковника из соседней части понять тоже можно – ему проще отдать нужного, но не последнего специалиста из личного состава штаба, чем придумывать адекватный подарок, о котором, естественно, напомнят и потребуют дарить в самый неудобный момент. Так, скорым переводом, к нам в часть попал «откупной» ефрейтор Краснов Денис Семёнович, высокий и худой парень с круглыми очками на строгом лице.

Подружились мы быстро. Началось всё с обычного трёпа в курилке, куда я забрёл в поисках начштабовской зажигалки, потом вместе целую ночь корпели над чертежом чьего-то гаража, потом Денис меня пригласил по Интернету полазить в отсутствие офицеров. Мне импонировала его постоянная серьёзность и деловитость, его вдумчивый подход к любому делу. Мне кажется, он даже цветы в кабинетах поливал как-

то сосредоточенно, с самоотдачей. Краснов был из тех людей, которые ничего зря не говорят, а уж если и берутся за что-то, то только если процент успеха никак не ниже 99,9 процентов. При всём при этом у него были очень тонкое чувство юмора и здоровая доля самоиронии. И ещё один немаловажный факт – в армию он пошёл сам, сразу после института.

Нужную шинель мы нашли быстро. Служа при штабе и имея необходимый запас хороших отношений с некоторыми офицерами, подкреплённый мелкими услугами и солдатской смекалкой, при желании можно достать не только шинель, но и кое-что поинтереснее. Тем более что обмундирование практически без проблем можно купить или выменять у прапорщиков, исконных хранителей армейских складов. Единственным прапорщиком, к которому мы пока не нашли подход, был начальник продовольственного склада. Как мы подзревали, он торговал пайками на сторону и с солдатами не связывался во избежание лишних ушей и глаз, которые могут испортить маленький бизнес. Именно поэтому с продуктами у нас было не то чтобы туго, но не так, как хотелось бы.

И тут такая удача! Найти общий язык с хлеборезом, да ещё и который на полтора года старше тебя по призыву, то есть фактически обзавестись могущественным покровителем минимум на полгода. А там мы уже и сами подрастём, лычками обзаведёмся.

Шинель принесли в столовую. Раздутый полиэтиленовый

пакет перекочевал в руки хлебореза, а оттуда – в угол, к пустым коробкам из-под консервов.

– На-те вот, поточите натошак. – Дедушка кивнул на пыльный солдатский вещмешок, стоящий возле двери. На том мы и разошлись, каждый довольный исходом дела.

Так мы оказались благодетельствованы внеплановым ужином, готовкой которого сейчас и занимались, предусмотрительно запершись в бытовке под лестницей, где густой полумрак разгоняла лишь небольшая настольная лампа.

Очередная картошка булькнула в раковине. Я отложил нож и потянулся, разминая поясницу. Крякнул от удовольствия. Денис поднял на меня глаза, ухмыльнулся.

– Уф, аж спину ломит. Много там ещё? – спросил я его.

Денис тыльной стороной ладони поправил очки, растопырив чёрные от грязи пальцы.

– Около пяти штук ещё. Что, уже устал?

– Да не то чтобы устал, – покачал я головой. – Не люблю монотонную работу. Усидчивости не хватает. Да ещё картошка гнилая наполовину, выковыривать глазки надоело.

– Ты же инженер по профессии. Как же ты схемы чертил, расчёты делал? У меня знакомый на техническом учился, так он спины не разгибая учился. Или ты платил за проекты?

– Бывало, – не стал врать я. – Бывало, и платил. Сам понимаешь – студенческие годы, женские общежития, портвейн в подворотне. Ах да, совсем забыл! Ты же у нас идейный!

– Нечего подтрунивать, – улыбнулся Денис. – Просто я не понимаю, как можно отдать пять лет своей жизни на то, что тебе ненужно и неинтересно.

– А тебе что, эта твоя филология нужна шибко?

– Нужна, – утвердительно кивнул Краснов. – У меня в городе, в школах, преподавать некому. Детишки на каком-то наречии мата с феней болтают, даже я не понимаю уже. А у них альтернативы нет. Они много не знают. Вот и растёт бескультурье.

– Это ты русским языком и литературой будешь наш генофонд править?

– Вроде того. – Денис вновь поправил очки и принялся за следующую картошку. Его тонкие пальцы точными, выверенными движениями двигались по плоду, нож снимал тонкую, длинную кожуру, словно станок стружку.

– Генофонд другим надо править, – хохотнул я. – И не языком с литературой.

– Тебе бы всё только поржать, – беззлобно откликнулся товарищ.

– Постой-ка, – спохватился я. – Как так у вас преподавать некому? Ты же вроде из большого города? У вас там институтов штук пять, поди. Куда же все выпускники деваются?

– Ты перепутал или забыл, – покачал стриженной головой Денис, – учился-то я в областном центре, но живу на периферии. В маленьком провинциальном городке.

– В каком?

– Ты вряд ли слышал. Славинск называется. Небольшой шахтёрский город. Это туда, к Уралу ближе.

– Что добываете? Золото?

– Руду. Найдут золото – будем золото добывать.

– Так а что ты не останешься в областном центре? – удивился я. – Я, конечно, понимаю, идея улучшения мира и всё такое, но перспектив-то никаких.

– Если понимаешь, чего тогда спрашиваешь? Там люди совсем другие, друг за друга горой. Хорошие, добрые люди. Не как в больших городах. Попадают, конечно, и всякие, но... – с жаром вдруг заговорил Денис. – Но в основном хорошие. И дети не виноваты, что их родители работают постоянно. Шахта – это даже не завод. Там так уматываешься, что иной раз поесть сил нет. Я на отца насмотрелся за двадцать лет. Потому нельзя подрастающее поколение бросать, пропадут же. Или сопьются...

– А с твоим учением не сопьются? – едко вставил я.

– Может, и сопьются, – буркнул товарищ. – А может, и нет.

Он обиженно засопел и замолчал. Почему-то мне показалось, что я задел что-то личное. Что-то не очень приятное. Нужно было срочно сменить тему.

– Слушай, – протянул я, – тут слышал такую историю! Ты про шахты сказал, так я сразу вспомнил. Мне Кирилл, из роты охраны, рассказывал. Короче, из автобата паренёк один сбежал. Ну, ты должен помнить, Батя тут командира ихнего

дрючил.

– Их, а не ихнего – автоматически поправил меня Денис. Но глаза поднял, блеснув стёклами очков в свете настольной лампы.

– Да без разницы, – махнул я на него рукой нетерпеливо. – Ну, помнишь – нет? Его несколько дней искали. Так вот, часть комендачей в лес ушла, а другая часть пошла прочёсывать Зброшеный Квартал.

– Какой квартал? – не понял Денис.

– Ах, ты же не знаешь, тебя перевели недавно. В общем, несколько лет назад надумало начальство нашего военного городка построить ещё один жилой квартал. Место выбрали удобное, дорога рядом, до казарм недалеко. Нагнали техники, наняли рабочих. Отстроили несколько домов, причём довольно быстро. Только начали отделкой заниматься, как из соседней секретной части депеша пришла. И оказалось, что этот квартал раз в два месяца попадает аккурат под излучение какого-то там гигантского локатора, который за спутниками следит. Локатор этот стоит в лесу, в нескольких километрах отсюда, и своей тарелкой крутит, посылая импульсы. Слухи ходили, что там у всех солдат после дембеля волосы выпадают и с женщинами любиться не выходит.

– Ерунда какая-то, – неодобрительно проворчал Краснов.

– Ничего не ерунда! Мне Котлов рассказывал.

– Это какой Котлов? Лейтенант с караула?

– Да.

– Слушай его больше, он тебе ещё и не такого намелит, – хмыкнул Денис. – Известный пустозвон.

– Да что ему врать-то? Ты на крыше казармы нашей был? А я был, – меня как-то даже задело такое неверие товарища, – и собственными глазами этот Заброшенный Квартал видел. Ужас. Как после атомной войны. Стоят пятиэтажки, обветренные, мрачные. Сквозь этажи солнечные лучи пробиваются. А вокруг лес. И никто там не живёт.

– Просто деньги закончились на строительство. Или разворовали, – скептически заметил мой товарищ. – И никаких тебе секретных локаторов.

– Тьфу на тебя, – вздохнул я, – нет в тебе романтики, Денис. А вроде идеалист.

– Я реалист.

– Так мне рассказывать дальше?

– Рассказывай, – кивнул Краснов, пряча улыбку, – всё равно ждать, пока плитка нагреется. Да и интересно мне, честное слово.

– Ну, так вот, – приободрился я, – вернёмся к нашему дезертиру. Отрядили в этот Квартал несколько человек с автоматами с приказом прочесать там всё. А дело уже к ночи было, впотьмах всё происходило. У комендачей фонарик один на троих, потому искали не особенно усердствуя, ибо сломать себе шею о строительный мусор никому не хотелось.

И вдруг крик услышали с окраины построек. Страшный такой крик, с надрывом. Будто бы и человеческий, но уж

больно душераздирающий. Побежали на звук, который почти сразу оборвался. Прибежали и увидели большую такую трубу, широкую, машина проедет, которая под пологим углом куда-то под землю уходила. Решили проверить. Долго мялись, кому идти, – очень уж темно в трубе. Наконец, снарядили группу из пятерых, вручили им фонари. Те автоматы с предохранителя сняли и начали спуск.

Шли долго, минут двадцать. Даже входа уже не видно стало. А труба всё тянется и тянется, глубоко под землю. По дну ручеек какой-то, ветки, прелые листья. Стены исчерчены чем-то острым, длинными бороздами. И, может, нервы сдали, может, решили, что нет смысла дальше идти, – решили вернуться. И тут кто-то посвятил напоследок вдаль, дальше по трубе. А там – сапог солдатский валяется! Пустой! Голенище в крови испачкано, разорвано вдоль!

Назад комендачи неслись, как на крыльях, даже не помнят, как к своим прибежали. Выскочили бледные, глаза шальные, руки трясутся. Закурили нервно. Оставшиеся снаружи к ним с расспросами кинулись, но те лишь после сигарет рассказали, что видели.

На следующий день искали уже в другом месте, на вокзале. Про туннель этот, про трубу рассказали ротному, да тот лишь посмеялся. А дезертира того так и не нашли.

Я замолчал, выжидающе смотря на Краснова.

– Мда, – улыбнулся Денис, – небылица в лицах. Взрослые люди ведь, в армии служите. И всё туда же – страшилками

друг друга на ночь пугаете.

– Да почему страшилками? – опять взвился я. – Не нашли парня до сих пор. Факт?

– Факт, – кивнул Денис, – да только это не значит, что его кто-то там в трубу утащил. Да и не могли они около получаса спускаться под землю, если, конечно, не черепашьими шагами шли. Ты хочешь сказать, они прошагали минимум три километра? А с учётом того, что речь идёт явно о трубе ливневого слива в недостроенном квартале, то там максимум пять-шесть секций. А это метров двадцать от силы.

– А сапог? – выдвинул я последний аргумент.

– Они что, эксперты-криминалисты, чтобы в темноте отличить грязь от крови? – усмехнулся непререкаемый Краснов. – Какой-нибудь строитель сапог порвал да и закинул его в трубу, от глаз подальше.

– Всё с тобой понятно, – махнул я рукой. – Сейчас ты скажешь, что кричала какая-нибудь выпь, а комендачи вместо того, чтобы заниматься поисками, пили на бетонных плитах самогон.

– Вполне может быть, – довольно оскалился Денис.

– Хорошо, – я примиряюще кивнул, – пусть так. Но вот скажи, что, у шахтёров нет таких страшилок? Что, они ни с чем необъяснимым не сталкивались под землёй? Ведь, согласись, там могут жить какие-нибудь существа, о которых мы ничего не знаем? Злобные, голодные, страшные?

– Злобные, голодные и страшные живут, – не переставая

улыбаться, ответил Денис, – их и называют шахтёрами. Они отбойниками намашутся за смену и становятся страшными от угольной пыли, злобными от усталости и жутко голодными. Непознанные подземные существа.

– Денис, ну, я серьёзно!

– И я серьёзно. Гарик, ты пойми – конечно, присутствуют свои легенды и сказания и у тех, кто работает под землёй. Профессиональный фольклор. Там и про Хозяйку Горы, и про Мёртвого Шахтёра, и про Двойников-Доппельгангеров...

– Про кого?

– Доппельгангеров. Двойников людей. Оборачиваются кем-то знакомым и уводят за собой в шахты.

– Оборотни?

– Не совсем, но похоже. Не перебивай! – Денис погрозил пальцем. – Так вот, все эти истории, бесспорно, имеют место быть и некоторые даже случались с кем-то из рабочих.

– Ну вот! – не удержался я от победного возгласа.

– Ничего не «вот», – осадил меня товарищ, – это не больше, чем байки для новичков. Все понимают, что звуки из глубин шахты – это отголоски подводных вод или эхо, многократно отражённое. Что если дрогнула стена – это либо порода поехала, либо в соседнем коридоре обвал. Что если в полумраке видится чёрт-те что – значит, пора уходить, недостаток кислорода. Всему есть своё объяснение, Гарик, и на всё есть свои причины. И верить в мистику шахтёрам про-

сто нельзя, потому что неверно истолкованный момент может стоить жизни. И смерть настигнет не от клыков подземной нечисти, а от банально рухнувшей на голову сваи. Шахтёры страшилки не придумывают, Гарик, потому как и без них страшно.

– Понятно всё, – сдался я, – с вами всё ясно. Тебе, наверное, и сказок в детстве не читали, обходились какими-нибудь инструкциями и предписаниями.

Я встал, хлопнул Дениса по плечу.

– Ладно, потомок brutальных работников горной промышленности, давай картошку жарить. Доставай масло.

2

Вертолёт тряхнуло, он мелко завибрировал, затрясся всем корпусом. Я ударился головой о стенку и проснулся, недовольно шурясь на дежурные лампы.

В отсеке стоял тарахтящий гул, где-то рядом отчётливо свистел в невидимой дыре ветер. Я подался вперёд, ощущая стягивающиеся на животе ремни безопасности, и посмотрел в иллюминатор. За толстым пыльным стеклом меня ждала белёсая пелена облаков, проплывающая мимо рваными сгустками. Тщетно силясь разглядеть в прорехах этого молока землю, я бросил это занятие уже через пару минут и разочарованно вздохнул. Мне так хотелось увидеть Славинск с воздуха. Ещё на взлётном поле, коротая время на скамейке в аэропорту, я представлял себе этот город, в который нет дорог. Воображение рисовало сверкающие небоскрёбы, вырастающие из центра каменной чаши гор, чьи острые пики покрыты снежными шапками. Естественно, я понимал, что вряд ли в Славинске есть хотя бы пара небоскрёбов. И уж конечно, не могут они вздыматься над каменными стенами, похожими на киношные высоты. Но именно потому и хотел увидеть город с высоты птичьего полёта, сравнить впечатления и ожидания.

Увы, похоже, сегодня моим желаниям не суждено сбыться.

Я с чувством досады оторвался от «слепого» иллюминатора, перевёл взгляд вперёд. Там, в подсвеченном огнями приборной панели кресле, сидел пилот Шишов. Он качал ногой в такт какому-то ритму, и я готов был поспорить, что в наушниках шлема у него играет музыка. Интересно, какая? Думаю, шансон или что-то военно-патриотическое. Я на миг представил себе угрюмого лётчика в филармонии. Вот он, жуя сигарету, опаздывает после третьего звонка. Протискивается в своём замасленном комбинезоне между рядами, наступая сидящим на ноги, вполголоса ругается. Садится, безапелляционно грохая откидным стулом. А потом фантазия моя и вовсе отпустила поводья – эстет Шишов достаёт бутылку водки и, невзирая на играющий оркестр и возмущённые шиканья соседей, начинает пить из горла, хрюкая и давясь. После чего закидывает ноги в тяжёлых ботинках на спинку впереди стоящего стула и засыпает, с присвистом храпя.

Я хихикнул, представив себе это. Почувствовал, как настроение немного улучшилось. Заёрзал в кресле, устраиваясь поудобнее.

И тут вертолёт ухнул вниз, словно провалился в яму. Взревело где-то над головой, меня вжало в кресло. Машина, опасно накренившись, рванул вверх и вперёд. До моих ушей донёсся глухой рокот, краем глаза я заметил, как в соседнем иллюминаторе промелькнуло и пропало что-то огромное, грязно-зелёного цвета. Мигнул красный огонёк.

Рокот достиг максимальной силы, заглушая наши турбины. И вдруг стал понемногу утихать, удаляться. Стало слышно, как в кабине отчаянно матерится Шишов, неистово топая ногой.

Смахнув холодный пот со лба, я, наконец, заметил, что не дышу. С шумом вдохнул воздух, слушая стук сердца в висках. По спине пробежали неприятные мурашки, заболели сжатые челюсти. Такая она, плата за испуг.

Я не выдержал, кричу Шишову:

– Что... – Голос сорвался. – Что это было?!

И к моему удивлению пилот услышал, повернулся, открывая серое, перекошенное от злобы лицо.

– Иди сюда! – Махнул рукой.

Я мгновение помедлил, раздумывая над целесообразностью освободиться от ремней безопасности. Потом всё же высвободился и, придерживаясь за тянущийся под потолком страховочный леер, побрёл к кабине пилота.

Кресло второго пилота оказалось жёстким и холодным. Ноги упёрлись в близкую приборную панель, больно стукнулся о поднятый подлокотник плечом.

– Мудаки! Планеристы, мать их! – Шишов стукнул себя по шлему. – Чтоб им винты погнуло, уродам!

Он ещё пару раз топнул ногой и затих, гневно сопя носом. Я даже пожалел, что пришёл к нему, – а то как он меня обвинит в случившемся? Тут уж будет не до логики. Потому я посчитал за хороший тон промолчать, разглядывая приборы

со стёршимися надписями на железных пластинках.

– Спасатели, будь они не ладны, – угрюмо пророкотал пилот, закуривая. Затянулся, выдохнул в сторону стекла клуб дыма и, к моему удивлению, протянул пачку мятых папирос мне. Я отказался.

– Мудаки, – повторил Шишов, одной рукой удерживая ручку управления, а во второй убирая пачку в карман. – Летают, словно они одни в небе.

– А что, у вас диспетчеров нет? Которые за небом наблюдают? – поинтересовался я, вспоминая фильмы про лётчиков.

Шишов посмотрел на меня как на идиота, ответил:

– Какие диспетчеры? За каким небом? Тут на сотни километров, кроме геологов да лесников, никого нет. К слову, и меня не должно было быть, если бы не твои внеплановые заявки.

– Но мне...

– Забей, – отмахнулся пилот, продолжил уже спокойнее, – у них график наших полётов есть, они по нему ориентируются. По приборам тут сложно, какие-то магнитные аномалии под горами. Говорят, залежи железа обширные. Летаем, как кутята слепые.

– А что за спасатели? – спросил я. Шишов покосился на меня недоверчиво.

– Ты что, новости не смотришь?

– Ну почему ж, смотрю...

– Хребет Полякова, – перебил пилот, – один из самых сложных горных маршрутов в нашем районе. Месяц назад пропала группа туристов. Нашли лишь пустую палатку и лежащие на своих местах вещи. Не слышал?

– Нет, – честно признался я.

Вообще-то я довольно редко смотрю новости. Ну не интересуется меня происходящее в мире. Если слышу от знакомых что-то интересное, то ищу в Интернете, а вот старенький телевизор в моей квартире включается только на Новый Год. Тем паче, мало интересен мне туризм, особенно любительский, гитарно-костровый и комарино-палаточный. Туризм в моём понимании как-то неотделим от Европы, музеев и утреннего кофе в гостинице.

– Сначала из райцентра следопытов нагнали, да без толку, – продолжал просвещать пилот. – Потом какие-то специалисты из столицы приехали. Тот же результат. Теперь вот армейские спасатели ищут. На вертолёте пару раз в неделю прилетают и шастают по горам.

– Военные? – недоверчиво спросил я. – После того как две гражданские группы ничего не обнаружили, армейцы начали искать? Уж если специалисты прилетали из столицы, да и те...

– Много ты понимаешь в военных, – как-то даже немного обиделся Шишов. – Ищут, значит, так надо.

Он замолчал, потом, не поворачивая головы, произнёс:

– Ты иди, в своё кресло сядь. Подлетаем.

Уже уходя из кабины, я успел увидеть, как среди размазанных облаков на доли секунды показалась земля. И огромная каменная чаша с острыми краями, внутри которой покоилась искристая чернота.

В следующий миг вертолёт тряхнуло, Славинск внизу скрылся из виду. Я поспешил на своё место, потрясённо оценивая увиденное.

Город без дорог не был похож на представляемый мною райский уголок. Больше всего Славинск с высоты птичьего полёта напоминал старый, ржавый котёл. И что-то тревожное покоилось на дне этого котла.

Злой на весь свет, пилот Шишов посадил вертолёт без сучка и задоринки. Мы на миг зависли на месте, а потом я услышал, как закрипели амортизаторы. Подавшись вперёд и посмотрев в иллюминатор, я увидел серое бетонное покрытие с нанесённым белой краской полукружием, приземистое здание в нескольких метрах от вертолёта, со стеклянной башенкой под тонким козырьком и металлической лестницей на крышу.

– Вылазь! – раздалось из кабины. – Прилетели.

Я не стал заставлять пилота повторяться, отстегнулся от кресла, подхватил сумку и с трудом, но открыл люк.

Славинск встретил меня почти полным штилем и запахом чего-то пряного. Так пахнет возле общежитий иностранных туристов из Индии, терпко и неуловимо знакомо, но вместе

с тем непонятно и не всегда приятно.

К моему удивлению, небо уже темнело, словно мы прилетели на закате.

– Что-то никто тебя не встречает, – раздался за спиной голос Шишова. Он закрыл за мной дверь, даже не явив и тени недовольства. Подошёл, закурил, исподлобья зыркая в сторону дома с башенкой. – Ты, вон, в диспетчерскую сходи. Я ещё полчаса тут побуду, потом улечу дальше. Задерживаться мне тут совсем ни к чему.

– Небо какое-то тёмное...

– Тут всегда темнеет рано и светлеет поздно. – Шишов сплюнул сквозь зубы на бетонку. – Горы Солнцу мешают. Иди уже, не топчись на месте.

И тут я вдруг с удивлением понял, что лётчик нервничает. Видно было, что ему не по себе, что ему неприятно находиться здесь. Глаза Шишова беспокойно бегали, папироса таяла на глазах.

Меня это даже внутренне позабавило. Наверняка, этот предприимчивый лётчик должен кому-то из Славинска денег. Причём кому-то, кто мог появиться в любой момент на взлётном поле. Оттого и внеурочно лететь не хотел. Ох, жук! Мне захотелось его как-то подначить, заставить проявить своё беспокойство сильнее.

– А может, пойдём вместе? Вы же не будете торчать полчаса у вертолёта? – предложил я.

– Нет, – отрезал он поспешно, выбрасывая дымящуюся

гильзу папиросы. – Мне вертолёт тут проверить нужно...

Я не сдержал лёгкую ухмылку. Ну, точно! Или дело в деньгах, или бравый лётчик не в ту кровать пристроился.

– Иди уже, – Шишов махнул мне, – я дольше положенного задерживаться не стану, учти. Прилечу только послезавтра в следующий раз.

С этими словами он стал залезать в кабину, походя пнув ногой колесо. Я победно улыбнулся, удобнее перехватывая лямки сумки. И уверенно зашагал в направлении здания диспетчерской.

Всё, что рассказывал о своём родном городе Денис Краснов, я мог бы уложить в несколько предложений. Я не отличался достаточной настойчивостью в этом вопросе, а он редко когда начинал ностальгировать по дому. Тем более что Краснов к ностальгии вообще не был склонен.

Про то, что Славинск находится внутри естественной каменной чаши, Денис рассказывал. Он гордился уникальностью расположения, приговаривал, что аналогов в мире нет. К слову, я позже абсолютно случайно увидел в туристическом журнале некий мексиканский городок, построенный внутри древнего потухшего вулкана, так что Краснов, по меньшей мере, заблуждался. Но, тем не менее, это не мешало восхищаться самоотверженностью строителей и тунелепрокладчиков, которые, опять же со слов Дениса, около пяти лет возводили здесь фундамент будущего города.

Признаюсь, я довольно далёк от горных разработок, да и

вообще от шахт и скважин. Потому мне неясно, зачем нужно было размещать город внутри, а не снаружи. Денис путано что-то говорил про угол выхода рудных пород и глубину бурения, но я даже не стал вникать. Потому что, с экономической точки зрения, абсолютно глупый проект получился, как ни крути. Ведь куда проще построить город у подножия внешней стороны, проложить дорогу и возить ту же руду машинами или поездами, чем гонять туда-сюда через горные пики грузовые вертолётёты. Даже с учётом того, что шахты пришлось бы делать глубже, не думаю, что ресурсов ушло бы больше. К тому же, помимо вывоза руды, ещё и строителей с шахтёрами нужно доставлять внутрь чаши, и стройматериалы, и продовольствие. Конечно, может, раньше с малым воздушным флотом в стране было и получше, может, люди были покрепче, да денег было побольше, но хоть убейте – не понимаю я этих строителей светлого будущего. То реки вспять, то города на скалах. Авантюристы, одно слово.

И вот ещё вопрос вопросов – а зачем мне квартира в Славинске?

С такими мыслями я остановился перед тяжёлой дверью диспетчерской и с усилием потянул ручку на себя. Скрипнула тугая пружина, на меня пахнуло спёртым воздухом вперемешку с сигаретным дымом. Поморщившись, я вошёл внутрь.

Зал диспетчерской показался мне пустым. Освещаемый одной лишь настольной лампой, прямоугольный, с клочка-

ми темноты по углам, он имел вид запущенный и нежилой. Длинная стойка регистрации поперёк всего помещения, с отколотым местами лаком на деревянной поверхности и треснутым в нескольких местах стеклом. Два стола возле пыльных окон, стоящие на столах картонные коробки с какими-то бланками. Неработающие настенные часы. Мелкий мусор на полу, куски слетевшей штукатурки вдоль плинтуса.

Я остановился на пороге, осматриваясь. Свет лампы пробивался из-за стойки, и я предположил, что там может кто-то быть. Потому кашлянул и спросил в пустоту:

– Эээ... Добрый вечер... Тут есть кто?

Что-то заскрипело, заворчалось в глубине зала. На дальней стене качнулась тень, и над краем стойки показалась голова с растрёпанными волосами и заспанными глазами за стёклами очков в круглой оправе. Глаза не сразу, но нашли мою фигуру на фоне дверного проёма.

– Вы кто? – сухой голос с заметной простуженной хрипотцой разнёсся под сводами диспетчерской.

– Я только что прилетел, – я указал пальцем себе за спину, – на вертолёте. Меня должны были встретить, но не встретили.

– Прилетел? – переспросил голос, и над стойкой показалось ещё немного собеседника. Я увидел худое, вытянутое лицо пожилого мужчины с густой щетиной на щеках. – Сегодня уже пятница?

– Нет, среда. Я заказным рейсом. Извините, – я сделал па-

ру шагов вперед, отчего под моими ногами захрустели мелкие камушки, – не подскажите, как я могу найти нотариуса Савохина?

– Среда, – повторил невпопад человек и вновь утонул за стойкой. Скрипнул деревянный стул. – Подойдите сюда, молодой человек.

Я приблизился к стойке, отчего мне открылся вид по ту сторону треснувшего стекла. За широким столом сидел угловатый и сухой старик, одетый в выдавшие виды костюмные брюки и в синюю стёганку-безрукавку, одетую поверх растянутого свитера. Перед ним, на столе, лежал открытый кроссворд с надписями разными почерками, светила желтоватым светом лампа с абажуром из газеты, стоял недопитый гранёный стакан с чаем, стопка каких-то амбарных книг и мятый электрический чайник поверх них. Видимо, я оторвал его от трапезы. Впрочем, стакан с чаем с таким же успехом мог тут стоять уже не первый день.

– Эва вас занесло, молодой человек, – произнёс старик. Его лицо вблизи казалось ещё вытянутее, с иголками щетины снизу и взъерошенными седыми волосами сверху. – Люди сюда теперь по своей воле не летают, всё больше наоборот.

Он поёрзал на скрипучем, разохшемся стуле, почесал затылок. Поднял глаза на меня, блеснув линзами очков.

– Так кто вас, вы говорите, встретить должен был?

– Савохин, нотариус.

– Савохин, нотариус, – эхом повторил за мной старик и

поморщился, словно от зубной боли. – Не припоминаю, чтобы он сегодня приходил. Вообще, давненько его не видел, может, он уже на Большую Землю улетел?

– Как улетел? – опешил я. – Он мне телеграмму прислал, я дела бросил!..

– Тихо-тихо, не шумите. – Старик сморщился ещё сильнее, замахал рукой. – Не надо кричать, я вас прекрасно слышу. Найдётся ваш Савохин, не переживайте вы так. Не он, так другой кто. Но я вот вам точно могу сказать – сегодня никто не приходил сюда. Может, и шлялся по взлётке кто, того не видел, но сюда не заходили. Я бы знал.

«Как же, знал бы ты! Небось, дрых без задних ног, хоть с оркестром заходи», – раздражённо подумал я. Ситуация переставала быть комичной, она порядком нервировала меня. Мало того, что я взял отпуск за свой счёт, то есть автоматически лишился части зарплаты, так я ещё и отложил много чего в сторону. Да, с удовольствием пролетал мимо тухлого корпоратива, на который и идти-то не хотел, но помимо него планы всегда были. А тут такое! Улетел! Хорошая история! Интересно, можно за это в суд подать? За ненадлежащее исполнение и всё такое?

– А знаете, что, – старик с кряхтением поднялся, – пойдёмте, провожу я вас. И так эта вахта бестолковая ни к селу ни к городу. Разомнись.

Он засобирился, закрыл журнал с кроссвордами. Я ничего ему не ответил, быстрым шагом пошёл на улицу, проклиная

себя и эту поездку. Ещё когда я подходил к двери, мелькнула было мысль послать этот Славинск вместе с его жителями куда подальше, плюнуть на всё и улететь обратно.

Распахнув упругую дверь, я с удивлением увидел, что вертолётная площадка пуста. Пилот Шишов, не дождавшись окончания обещанного срока, оставил меня один на один с этим городом внутри каменной чаши.

3

– Я-то сюда молодым прилетел, с первыми стройотрядами. Тут тогда и домов-то не стояло, в палатках жили...

Мы неспешно шли со стариком по главной дороге Славинска – Проспекту Труда. Не очень широкому, в три полосы, зажатому с обеих сторон одинаковыми блочными четырехэтажками с керамической плиткой на фасаде. Уже почти стемнело, потому на каждом доме горели старорежимные каплевидные фонари с выпуклыми плафонами. Я подобные видел последний раз в командировке, когда судьба занесла меня в далёкий провинциальный посёлок, название которого не задержалось в моей памяти. Свет от таких фонарей шёл не рассеянный, а направленный, отчего под ними образовывались равно очерченные круги света, не способные осветить расстояние в несколько метров в стороны. Сейчас, слава богу, ещё не наступила обещанная мне стариком непроглядная темень, небо ещё радовало призрачной серостью.

Вообще, довольно унылый и однообразный пейзаж открылся мне в Славинске. Словно вырвали кусок какого-нибудь спального района возле индустриальных кварталов и растянули на целый город. Впрочем, думаю, что и городок-то не шибко больше иного района мегаполиса.

Скажем честно, энтузиазма увиденное не прибавляло. Я уже всерьёз задумался над целесообразностью своего приез-

да, даже отчасти жалеть себя начал. Но делать нечего, так или иначе придётся ждать пару дней до прилёта вертолёта. Попробую конструктивно это время провести, разобраться по-быстрому что к чему – и ноги в руки, скорее домой! Я тут ещё и часа не провёл, а уже этот город недолюбливаю.

Проспект тянулся прямо от импровизированного аэродрома и стрелой утыкался куда-то в горы. Видимо, дорогу строили как основную магистраль для перевозки руды. Поэтому совсем неудивительно, что асфальт на проезжей части убит до такой степени, что многочисленные дыры даже не обозначают предупреждающими знаками. Могу поспорить, что местных автолюбителей тут немного, а те, кто есть, дорогу знают наизусть. Или после наступления тёмного времени суток вообще предпочитают сидеть дома. По крайней мере, к такому выводу я пришёл, когда за пройденный нами путь по проспекту проехало машины три, не больше. Они выныривали из сумеречного воздуха, покачивая тусклыми фарами отечественных ветеранов автопрома, и либо проезжали мимо, нещадно грохоча, либо сворачивали где-то вдалеке на одну из ещё более тёмных прилегающих улиц. Светофоров, к слову, я пока так и не увидел.

А ещё меня интересовало то, как я мог не услышать шум турбин взлетающего грузового вертолёта.

– Времена были тогда лихие...

– Нам ещё долго идти? – перебил я словоохотливого проводника.

– Да нет, тут всё недалеко. Городишко маленький. – Старик снизу вверх взглянул на меня. – А вы никак торопитесь куда? Бросьте, молодой человек, тут уже лет десять как никто никуда не спешит.

Я вздохнул, втянув носом прохладный вечерний воздух. Действительно, куда они тут могли друг от друга деться? Дальше гор не убежишь. Как тут у них с преступностью, интересно?

– Пусто у вас как-то на улицах, – решил всё же поддержать разговор я. – Все отдыхают после работы?

– Что вы, что вы, – покачал головой старик, – Какая работа? Нет тут работы. Последнюю штольню закрыли уже давно. Хозяева с последней шаландой улетели, а потом и рабочие стали уезжать. С семьями. Знаете, в былые времена детишек сколько тут было? А то ж молодые всё приезжали, тут и женились прямо. Тогда ещё молодым квартиры давали...

– Как нет работы? Совсем?

– Так, а откуда ж ей взяться? – удивился старик. – Выработку выбрали, старые штольни затопили или заколотили. Ходили ещё слухи, что тут магнитная аномалия какая-то, богатые залежи металлов под землёй. Да вот только их ещё замерять надо, пробы брать, геологические разведки проводить. Да что-то так никто и не занялся.

– И как тут люди живут?

– А я ж об чём и говорю! Не живут. Уезжают все, почти уехали. Тут на весь город сотня человек если наберётся, и

то хорошо. Да и то, думаю, старики одни, как я. Ты, вон, на окна обрати внимание, огней почти нигде не видно. Каждый второй дом пустует. Брошенные квартиры в ином случае уже мародёры бы обчистили, да вот только награбленное не вывести никак, один вертолёт на всю округу летает, а через горы не пройти. В этом, можно сказать, Славинску повезло, расположение спасает... Кажется, пришли мы. Вот тут контора Сашки Савохина.

– Кого?

– Нотариуса. – Старик указал мне узловатой рукой на ламинированный листок, прикреплённый кнопками к двери двухэтажной пристройки. На листке было отпечатано: «Нотариальная контора».

Я взялся за холодный металл ручки и дёрнул. Безрезультатно. Дёрнул сильнее. Дверь хрустнула, но не поддавалась. Я взглянул на часы. Плохо различаемый в сгущающихся сумерках циферблат показывал двадцать минут восьмого.

– Наверное, ушли, – предположил старик, до того молчаливо ждавший развития событий.

– Наверное... – пробубнил я, устало приваливаясь к двери. – Так это Савохин улетел или нет?

– Не знаю. Завтра видно будет.

Я кивнул. Конечно. Всё подождёт. Куда ж спешить-то? Человек летит хрен знает откуда, о его прилёте известно – и всем плевать! Конечно, ничего страшного. Подождёт до утра. Куда ж он денется? Ха-ха, странный горняцкий юмор...

– Вам есть, где на ночь остановиться, молодой человек? – осведомился старик.

Ладно, чего уж. Жалеть себя можно долго, вот только ничего уже не изменишь. Нужно как-то дальше.

– Игорь, – представился я, протянул собеседнику руку. Пора наводить мосты. Всё одно, кроме него, тут и помочь-то некому. – Нет, ночевать негде.

– Степанов Николай Семёнович, – официально произнёс старик, отвечая сухой ладонью на рукопожатие. – Очень приятно познакомиться.

– У вас тут гостиницы есть?

– Была раньше одна, да закрыли её давно. – Николай Семёнович потёр колючий подбородок и принял решение. – А знаете что, Игорь, давайте я вам в диспетчерской постелю. Там раскладушка есть, матрасы, подушки. Мне так или иначе до утра сидеть, смены ждать.

– А вы как же?

– У меня бессонница, молодой человек. Я иногда днём дремлю, а ночью как отрезает. Так что не переживайте. – Он махнул рукой и мы пошли по проспекту в обратном направлении. – А поутру я вас чайком напою, да и пойдёте свои дела решать...

По другую сторону стойки регистрации оказалось уютнее, чем в приёмном зале. Сразу в глаза бросалось то, что тут скорее не работали, а жили. Так обычно бывает в бытовках,

где дежурят ночные сторожа. Эдакий одомашненный уют, посылы к хозяйственности. Чайники, электрические плитки, изрезанные доски для хлеба, чайные чашки с тёмными ободками, сточенный нож и многое другое. А также старые игральные карты с разлохмаченными уголками, сломанный приёмник без антенны, замусоленная книжка с потрескавшейся обложкой, старые газеты и журналы, какие-то листочки с написанными телефонами. Насколько я знаю, всё это пребывает в постоянном движении по замкнутому кругу, переходя с места на место. Каждый новоприбывший сотрудник собирает этот конструктор под себя, чтобы вот это не мешалось, а вот это, наоборот, чтобы было под рукой.

Я стоял возле стола, покрытого клеёнкой, держа в руках сумку, и размышлял, куда бы её поставить. Пальто я повесил на рогатую вешалку у входа в служебное помещение, от предложенных стариком тапок отказался.

– Вот так, – раздался металлический шум, и из большого стенового шкафа показалась спина Николая Семёновича. Он пятился, вытаскивал за собой растопыренную раскладушку из дюралевого трубок.

– Помочь?

– Нет, не надо, я сам.

Ну, сам так сам, я настаивать не стал. Определившись с местом для сумки, я водрузил её на табурет и прошёлся по комнате, освещённой жёлтым светом настольной лампы. Меня заинтересовали наклеенные на стену листы.

На куцых кусочках скотча, на ржавых кнопках или на маленьких гвоздиках тут располагалась целая стена истории. Вот календарь из 80-х с белыми котятами, сидящими в большой прозрачном бокале. Помню, я где-то такой уже видел. Рядом, на скрепке, маленький календарик с неизвестным мне депутатом на фоне государственного флага. Ему кто-то покрасил пару зубов, отчего улыбка политика вышла ущербной, как у пропойцы.

По соседству с беззубым народовольцем – чёрно-белая ксерокопия фотографии. На ней несколько человек в толстых ватных штанах и дурых телогрейках, обнявшись, позировали на фоне какого-то огромного агрегата с зубастым ковшом. Все были молодые, все широко улыбались. Тут же – приколотая фотография с уголком, на ней худой мужчина с нахмуренными бровями. Я с трудом узнал в нём своего нового знакомого. Это сколько же времени прошло?

Дальше – стенд, увешанный предписаниями, пожелтевшими инструкциями, графиками и списками. В самом низу – карикатура на тучного мужчину с торчащей во все стороны бородой, похожего на пьяного и злого Деда Мороза. В одной руке у него было нечто похожее на маленький молоток, а в кулаке другой он сжимал за горло какое-то обмякшее большеголовое существо с крупными глазами, перепончатými лапами и подобием антенн на голове. Неровные каракули под ними гласили: «Карыч разбушевался».

– Вот тут и спать будете, Игорь, – сзади раздался доволь-

ный голос Николая Семёновича. Я повернулся к нему.

Между шкафом и стеной, в нише, старик соорудил целое гнездо. Из-за свисающих двух или трёх матрасов не было видно раскладушки, во главе лежала покрытая на вид чистой тряпкой подушка. Поверх всего – старое армейское одеяло синего цвета с двумя белыми полосками поперёк. А что, выглядит даже уютно.

– Спасибо, – поблагодарил я. – У вас во сколько пересменка?

– Ну, должна быть в девять, но сейчас с этим сложно. – Николай Семёнович с облегчением водрузился на свой скрипящий стул, протянул ноги. – Но к девяти я вас разбужу, на чай.

Он ещё что-то говорил, но я уже скидывал ботинки, ощущая как же устали ноги в туфлях. Мгновение размышлял, снимать ли брюки и насколько мне неловко. Подумал, что лучше немного смущения, чем мятые с утра вещи. Впрочем, смущать меня старик не стал – он уже отвернулся и чем-то шуршал на столе, бормоча под нос.

Скрипнув пружинами, я забрался под одеяло, спиной ощущая приятную прохладу простыни, с огромным удовольствием вытянулся. И словно провалился в яму, чуть моя голова коснулась подушки. Крепкий сон без сновидений – что ещё нужно для усталого путника?

4

Разбудил меня громкий звук где-то рядом. Я заворочался, заскрипев пружинами раскладушки, потянул одеяло на голову, желая удержать стремительно улетающий сон. Увы, это оказалось мне не под силу, потому как навязчивый звук превратился из громового ворчания в мужской бас. И стоило мне понять это, как тут же к голосу присоединилась какофония звуков из позвякивания ложкой по стенкам чашки, скрипа стула и какого-то шуршания.

– Семёныч, это иррационально! – возмущённо прорычал незнакомый бас. – Ты бы себя со стороны послушал.

– Я знаю, что говорю, – возразил ему голос Степанова.

Заскрипели доски пола, раскладушка качнулась, будто мимо прошёл кто-то большой и тяжёлый. В нос ударил запах крепкого табака.

Не желая больше притворяться спящим, я перевернулся на спину и откинул с лица одеяло.

Первым ощущением было, словно я и не спал вовсе. Всё та же темнота ночи в маленьких окнах под потолком, всё так же тускло светит лампа, старик в безрукавке сидит на стуле, держа в руках дымящийся стакан в подстаканнике, на столе дымится пепельница.

А вот напротив него, в метре от меня, стоял великан, большой и определённо тяжёлый. Я сразу узнал в нём персона-

жа карикатуры со стены – тёмная борода, торчащая в разные стороны, будто у пирата, длинные волосы, стянутые сзади в хвост, маленькие глаза над холмами щёк. Одетый в длинный болоньевый анорак невероятных размеров и в линялые джинсы, он тёмно-зелёной тучей закрывал от меня большую часть потолка. В своей лапище великан держал чайную чашку, которая практически терялась между пальцами.

Старик заметил, что я проснулся, скосил глаза. И тут же туча пришла в движение, и практически мне в лицо протянулась огромная лопата ладони для рукопожатия.

– Карчевский Олег Аркадьевич, геолог-рецидивист, – абсолютно серьёзный тоном представился великан и тут же опять отвернулся к собеседнику. – Не прав ты, Семёныч, не прав. И доказывать я тут ничего не буду.

– Твоя воля, – легко согласился старик и улыбнулся мне. – Вставайте, Игорь, чай заварился.

Я бросил взгляд на наручные часы. Надо же, половина десятого утра.

Завтракал я за столом в одиночестве. Степанов выставил передо мной большую чашку и тарелку с парой бутербродов. Пододвинул открытую коробку с мелким рафинадом. Пожелал приятного аппетита. После чего они с Карчевским ушли курить на крыльцо.

Покушал я быстро, обжигаясь крепким чаем. Всегда неловко себя чувствую по утрам в гостях. А уж тут тем более. А ну как старик уйдёт, сдав смену, и мне придётся, пусть и

недолго, но находиться один на один с этим бородатым шутником?

Но опасался я зря – человек-гора оказался не сменщиком.

– ...Заброшу и уйду, – услышал я голос Степанова. Дверь открылась, и они вошли в диспетчерскую. – Сколько уже можно-то?

– А я что тебе говорил? – вставил Карчевский. – Оно уже нахрен никому не надо...

Я запихнул в себя последний кусок бутерброда, запил остатком чая. Поднялся из-за стола, как раз им навстречу.

– Позавтракали? – кивнул старик. – Прошу извинить меня, Игорь, но я не смогу составить вам компанию. Опять сменщик не пришёл. Вы помните дорогу до нотариальной конторы?

– Да, помню.

– Тут несложно, по прямой. – Николай Семёнович кивнул на входную дверь. – И надевайте пальто, на улице моросит. Если вдруг что-то случится – я тут ещё сутки буду, приходите, не стесняйтесь.

– А что может произойти? – спросил я между делом, собирая вещи.

– Это вы нам потом расскажете, – ответил мне Карчевский, нагло ухмыляясь в бороду. – Нам очень это интересно.

Я хмыкнул, показывая, что оценил сарказм, накинул пальто. Отказался от старого чёрного зонта с поломанной ручкой, на всякий случай попрощался. И с облегчением поки-

нул старую диспетчерскую, хлопнув на последок дверь.

До нотариальной конторы я добрался довольно скоро, практически в одиночестве шлёпая по лужам пустого проспекта. В свете бледных фонарей я видел несколько человек, спешащих по своим делам, но их оказалось до пугающего мало для будничного утра. Машин проехало чуть больше, причём три или четыре из них оказались бортовыми грузовиками и ехали они со стороны шахт. Где-то вдалеке несколько раз прогудела сирена. Я читал, что так на заводах оповещают о начале рабочего дня.

Я прошлёпал по лужам, старательно обходя грязевые разводы, прыжком оказался под козырьком двери нотариальной конторы. Без особой надежды потянул ручку двери, но она легко поддалась, пропуская меня внутрь.

Миновав светлый коридорчик, я упёрся в обитую дверь с вывеской: «Нотариус А. Ю. Савохин». Из-за неё раздавался стук клавиш печатной машинки. Ещё не решив, как вести себя, я вошёл внутрь.

Нотариус оказался, как все встреченные мной здесь люди, каким-то растрёпанным и взъерошенным, хотя и старался поддерживать официально-канцелярскую внешность. Немолодой уже мужчина с мягкими чертами лица, одетый в поношенный серый костюм с ослабленным синим галстуком, он усердно печатал что-то на тяжёлой печатной машинке. Машинка была из тех, что показывают в кино про эпоху развитого социализма, – высокая, с чёрными клавишами и карет-

кой с длинным рычажком. Она буквально вбивала буквы в лист, зажатый между двумя валиками.

Отодвинутая в сторону, перед нотариусом лежала клавиатура выключенного компьютера. Видимо, современной оргтехнике Савохин предпочитал старое и доброе.

– Здравствуйте, – хмуро поздоровался я.

– Здравствуйте, – человек поднял на меня голову, с трудом оторвавшись от напечатанного. – Чем могу помочь?

Я молча положил перед ним мятый лист телеграммы. От чего-то начало проявляться глухое раздражение. Конечно, нотариус не мог меня знать в лицо. Но неужели к нему в последнее время заходит так много посетителей, что он даже не удосужился поразмышлять и понять, кто я и зачем заявился? Тем более что кругом все знакомые лица, а по мне за версту видно приезжего.

Нотариус взял листок и внимательно пробежал его глазами, кажется, тщательно вчитываясь в каждое слово. Я терпеливо ждал.

– Вот оно что, – протянул Савохин. – Присаживайтесь.

Он без особенного энтузиазма указал мне на стул возле стены. Я секунду задержался, смерил его взглядом, потом снял пальто и сел на стул. Ох, что-то он как-то спокойно отреагировал. Обычно платные юристы, которых я знал, адвокаты и нотариусы, вцеплялись в клиента похлеще весенних клещей. Учитывая количество институтов и университетов всех мастей, выпускающих адептов Фемиды, конкуренция

среди них была как среди ночных таксистов, а рабочие места становились призом в гонке связей и знакомств. Потому меня несколько озадачило такое наплевательское отношение этого Савохина А. Ю. Впрочем, возможно, у него тут конкурентов и вовсе нет, учитывая массовый исход местного электората из города.

– Да, это моя телеграмма, – зачем-то уточнил нотариус. – Но вы разве не получали вторую?

– Вторую? Нет, не получал, – напрягся я. – А в чём, собственно, дело?

– Я отправлял вам вторую телеграмму, – Савохин развернулся в пол-оборота ко мне, сложил руки на столе, – в которой сообщал, что необходимость вашего непосредственного присутствия отпала. Вы ведь её получили?

Я хотел возмущённо возразить, но нотариус опередил меня, продолжив:

– Впрочем, раз вы тут, то, видимо нет. Что же, мне очень жаль сообщать вам лично такие вести. – Нотариус открыл верхний ящик стола и стал вытаскивать оттуда тонкие папки-скоросшиватели, складывая их на столе. – Но дело в том, что наш город в скором времени деорганизуют, а потому большая часть квартир и домов, которые лишились своих жильцов, выводят из жилого фонда и консервируют до неопределённых времён. К моему сожалению, квартира господина Краснова подпадает под этот случай.

– Что значит – деорганизуют?

– Отключают от коммунальных линий, закрывают маршрутные пассажирские перелёты, прекращают подвоз продовольствия. – Нотариус наконец нашёл нужную папку, положил её отдельно, остальные так же неспешно стал переключать обратно. – Видите ли, наш город с тех пор, как иссякли запасы недр, медленно вымирает. Кому было куда уехать – уехали. Уже не работают больница, почта и ряд магазинов. Из правоохранителей остались один участковый да следователь, оба уже пенсионеры. На прошлой неделе уехала вся администрация, оставив руководить городом бывшего начальника шахты. Мы ничего не производим, не приносим прибыли, поэтому Министерство горных разработок обоснованно посчитало нас нерентабельными. Подводя итог – город закрывают. Вот документы на квартиру Краснова.

Савохин подвинул мне найденную папку, но я не стал её открывать, растерянно переваривая услышанное.

– Так что, я зря ехал? – задал я наконец вопрос, запоздало осознавая его глупость.

– Ну, не хочу вас расстраивать, – Савохин как-то кисло улыбнулся, – могу биться об заклад, что немногие могут похвастаться тем, что видели целый город в таком вот виде. Походите, посмотрите. Проникнетесь величием момента, так сказать. Со своей стороны могу посоветовать следующее.

Он сам раскрыл папку, вытащил из середины стопки листов один, с мелькнувшей надписью «Приказ» в шапке.

– Вот, прочитайте. Это Приказ Министерства о компен-

сации владельцам жилья. Так как дарственная оформлена на вас, и компенсацию выплатят именно вам.

– Сколько? – воскликнул я, пробежал глазами текст. – В размере двадцати процентов от стоимости квартиры? Я так предполагаю, квартиры тут стоят не шибко дорого?

– Я взял на себя труд посчитать. Сумма компенсации составит семьдесят тысяч минус налоги. Неплохие деньги, если посмотреть. Особенно учитывая, что даются они за квартиру, которую даже продать не выйдет за отсутствием желающих жить в этом городе.

– Невелика компенсация, – буркнул я.

– Ну, тут я ничем помочь не могу. – Савохин безразлично пожал плечами. – Для меня лично это большая сумма. Вопросы ко мне ещё есть?

– Честно говоря, я в растерянности, – признался я. – Если уж говорить начистоту, знал бы, так не попёрся бы в такую даль. У меня только билеты обошлись в десятку, а ещё назад ехать. А потом ещё по инстанциям бегать, выбивая эти деньги за квартиру? Я даже не знаю, с чего и начинать-то, учитывая, что жить мне негде, а вертолёт прилетит лишь в среду. Эх, понёс же меня чёрт...

– Да-да, конечно, – кивал мне нотариус, углубившись в свои мысли. – Вы правы. Но бывают в жизни моменты, которые от нас не зависят. Относитесь к этому философски. А по поводу жилья, так в этом проблемы нет, собственно. Давайте я вам покажу квартиру Краснова, в ней вы и переночуете

пару дней. Дом ещё от линий снабжения не отключили, так что газ и вода там есть. С электричеством, увы, проблемы, но да вам же там детей не растить?

Савохин позволил себе кривую улыбку, поднялся из-за стола. Поднялся и я, чувствуя себя жертвой какого-то большого обмана. Обидно было, честное слово.

– Давайте, ведите, – вздохнул я. – Делать всё равно нечего.

Первая ассоциация, которая приходит мне на ум при словах «временное жилище», – это гостиница. Мне иногда приходится ездить по рабочим командировкам, поэтому своё мнение об этих «приютах путника» у меня сложилось. Впрочем, не могу сказать, что навскидку вспомню все номера, интерьеры и ванные комнаты, довольно однообразные мне попадались образчики. Обезличенным стандартом в голову приходят тусклые стаканы на столе, выцветшая ковровая дорожка, прожжённая занавеска у форточки, плохо закрываемая дверь с дряблым замком, поломанные вешалки в шкафу. Естественно, всё это укладывалось в тот гостиничный набор, на который был рассчитан выдаваемый мне на работе лимит средств. Думаю, что в отелях, которые хотя бы могут заикаться про наличие мифических звёзд на фасаде, всё, возможно, обстоит по-другому. Не знаю, я в них не бывал.

Но одна гостиница мне всё же запомнилась. Причём запомнилась историей, которую не стыдно рассказать за пьяным столом старых знакомых, щёлкнув пальцами, восклик-

нув: «Ах да, случай со мной был один...»

Мотель назывался «Лукоморье» и находился на самом краю города, на конечной остановке автобуса. Двухэтажное кирпичное здание, с маленькими номерами и единым на этаж санузлом. Из удобств – лишь небольшой телевизор с огромным пультом да набор вафельных полотенец с синими печатями в уголках.

Я вселился в номер на втором этаже, приехав утром. Мне предстояло пробыть в городке несколько дней, помочь клиентам разобраться в хитросплетениях технической документации. Стоит упомянуть, что погода стояла великолепная, тёплое солнце позднего апреля подсушило землю, проталкивали сквозь пожухлый ковёр прелых листьев первые травинки, на ветках пели птицы.

Первый день я работал недолго, лишь представился руководству филиала да поговорил с парой специалистов. После чего направился в гостиницу, желая немного поспать после дороги. В номере поставил чайник, принялся раскладывать вещи, когда меня привлёк вид из окна.

Окна моего номера выходили на задний двор и буквально упирались в стоящий неподалёку дряхлый деревянный особняк. Такие обычно называют помещичьими или дворянскими, они сохранились ещё с царских времён и зачастую служили впоследствии коммунальными квартирами для победивших рабочих и крестьян.

Дом был с Т-образным фасадом и был выдвинут своим

корпусом-ножкой в сторону гостиницы, прямо к моим окнам. При желании я мог добросить что-нибудь не очень тяжёлое до обитых досками стен, до резных наличников и разъехавшегося крыльца. Этот дом был заброшен и безлюден, входная дверь отсутствовала, а крыша местами провалилась. По всей видимости, хозяева когда-то строили его возле торгового тракта на пути в город, но теперь город сам пришёл к дому и теснил его кирпичными стенами новостроек. И, скорее всего, снос этой древности был лишь делом времени.

Напротив моих окон как раз располагались окна второго этажа особняка, внутри было темно и пусто. К удивлению сохранились и стёкла, за ними – короткий тюль, сдвинутый в сторону. Честно говоря, зрелище довольно унылое, если не сказать жалкое. Некогда здоровый для своего времени дом, крепкий и достаточно яркий, теперь доживал свой век, скобочившись, вынужденный лицезреть подслеповатыми глазами жизнь приезжих.

Я подивился открывшемуся виду и продолжил ходить по номеру, разбирая вещи, вытаскивая банки с кофе и сахаром из сумки, аккуратно раскладывая на столе рабочие бумаги.

Так прошло некоторое время, день близился к вечеру. Я с чашкой кофе поднялся из-за стола, чтобы размять ноги, прошёлся по номеру, прихлёбывая из кружки ароматный напиток. И замер, уставившись на старый дом.

Из окна напротив, из глубины пустой комнаты, на меня

смотрел одетый в чёрное не то ребёнок, не то карлик. Его было видно нечётко, он стоял в полумраке, и я мог лишь различить общие черты. Большая лысая голова, крупные несимметричные глаза, широкий приоткрытый рот. Весь серый, морщинистый, без бровей. И абсолютно недвижимый.

Я смотрел на него, он смотрел на меня. Так длилось несколько секунд, потом мой неизвестный сосед словно шагнул назад и исчез в темноте комнаты, бесследно, не отводя от меня своего страшного взгляда.

Весь оставшийся вечер я чувствовал себя неудобно. Периодически подходил к окну и выглядывал наружу. Безрезультатно. Странный гость заброшенного дома не появлялся.

Через пару часов я лёг спать.

Следующий день практически стёр у меня из головы этот случай, я закрутился в делах и разговорах. Местные специалисты оказались абсолютно неподкованными, пришлось углубиться с головой в объяснения. Потом поехали на объект, там я показывал всё наглядно. Незаметно прошёл обед, а за ним и четырёхчасовой чай с баранками. Оценив объём работы на следующий день, попрощавшись с усталыми техниками, я решил проветриться и пошёл в гостиницу пешком. По пути купил пива, завернул в газетный киоск.

В номер поднялся уже в хорошем расположении духа. Включил телевизор, стал вешать на плечики костюм. Да так и застыл, прижав к груди свёрнутые брюки.

Из пустого дома в моё окно вновь смотрел чёрный маль-

чик-карлик. С тем же пустым выражением лица, с теми же вытаращенными глазами, с тем же полуоткрытым ртом.

Я не выдержал и, демонстративно бросив брюки на кровать, подошёл к окну. Мне показалось или выражение этого уродца изменилось? Или нет?

Я поднял руку и помахал ему. Станный человек никак не отреагировал, вновь словно растаял, скрывшись в темноте комнаты. Я ещё немного подождал, но незнакомец больше не появился.

И вот тут мне стало не по себе. Я даже поёжился. Неприязненно отошёл от окна, задёрнул шторы.

С чего бы нормальному человеку приходиться каждый вечер в заброшенный дом и смотреть в окна гостиницы? Но то нормальному, а этот уродец, он нормальный? А может, извращенец? Маньяк? Папарацци?

Вечер был безвозвратно испорчен. Оставшееся время я просидел перед телевизором, нервно дёргаясь от любого шума, а когда наконец лёг спать, то долго не мог уснуть, сжимая в ладони металлический Parker.

Следующий день я был раздражителен и рассеян. С горем пополам доделал работу на объекте, чуть не поругался с главным техником, взял на презентацию не те слайды. Когда пришло время обеда, я уже чётко для себя уяснил, что вечером наберусь храбрости и схожу в этот дом. Возможно, смогу понять что там делает мой ночной смотрящий. Своё такое решение закрепил чашкой кофе.

Вечером, зайдя в гостиницу и оставив вещи, я подошёл к старому особняку, потирая в кармане украденный в кафе ножик с закруглённым кончиком. Стоял некоторое время, не решаясь войти и прислушиваясь. Всё же не горел я желанием встретиться с этим чёрным карликом, не решил я до конца, как реагировать. Не брошусь же я на него с кулаками? Или надо бы накостылять ему? Совсем не умею я вести себя в подобных ситуациях.

Глубоко вздохнув, я всё же начал свой короткий поход по старому дому.

Если вы когда-нибудь были в заброшенных домах, то представите себе общий антураж увиденного. Мебели нет, двери не везде сохранились. Сморщенные, отклеивающиеся обои, осыпающийся потолок. На полу старые газеты, бутылки из-под дешёвой водки, иногда шприцы. Запах сырости. В общем, ничего примечательного.

Поднявшись по скрипучей лестнице на второй этаж, я без труда нашёл комнату, из которой открывался вид на мои окна. И не увидел ничего особенного. Комната как комната, никаких ужасных надписей или пятен крови.

Я подошёл к окну, выглянул наружу, щурясь от вечерних лучей солнца. Повернулся, чтобы уйти. И узрел своего страшного соглядатая.

Лучи солнца проходили сквозь дырявый тюль, образуя на покрытой трещинами стене причудливый узор, который при желании можно принять за лицо. Как раз под узором часть

штукатурки осыпалась, обнажив просмоленные доски, которые увиделись мне чёрными одеждами.

Несколько секунд я смотрел на эту игру света и тени, потом солнце опустилось за крышу гостиницы, и мой карлик растаял, оставив лишь трещины и сколы.

Такая вот курьёзная история со мной приключилась. Впрочем, в противном случае я бы просто стал ещё одним из очевидцев странных явлений, коими полнится телевидение и жёлтая пресса. Но всегда интересно знать суть вещей, хотя и не всегда эта суть интереснее самой вещи...

– Интересная история, – без особенных эмоций кивнул Савохин. – Мы пришли, вот дом номер пять по улице Солнечной.

Передо мной высилась стандартная панельная пятиэтажка бледно-голубого цвета. В четыре подъезда, с балконами в шахматном порядке. На глухой боковой стене выложена мелкой плиткой мозаика – скуластый суровый юноша в шахтёрской каске и с комсомольским значком, под ним лозунг: «Труд – Родине!».

В общем, дом номер 5 по улице Солнечной оказался обычным домом из эпохи скоростного и дешёвого строительства.

– Идёмте, я покажу вам квартиру, – поторопил меня нотариус и первым вошёл в полутёмный подъезд.

Мы поднялись по узкой лестнице на третий этаж, остановились напротив квартиры с металлической цифрой 7.

– Счастливый номер, – без особенного энтузиазма заме-

тил Савохин, щёлкнул замком кожаного портфеля и, немного покопавшись, вытащил коричневый конверт. Из конверта на ладонь выпала связка ключей.

– Вот этот, длинный, от металлической двери. Второй от внутренней двери, но я её не запираю, – прокомментировал старый юрист, отпер наконец дверь и отошёл в сторону, пропуская меня в квартиру.

У каждой квартиры есть свой уникальный запах. Каждый обжитый дом имеет свою гамму ароматов, сложенную из множества различных составляющих. И мы зачастую не замечаем, чем пахнут наши собственные жилища, привыкнув, как неряшливые владельцы собак не ощущают запаха псины, который сразу бьёт гостям в нос. Мне всегда было интересно, чем же пахнет моя квартира. Но как бы я ни прихихливался, открывая входную дверь, ничего не мог уловить.

Квартира Краснова пахла чем-то приятным, тёплым и домашним. Видимо, запах этот ещё не успел выветриться.

Короткий коридор с деревянными рогами вешалки, трюмо с большим зеркалом, дверь в совмещённый санузел. Над трюмо – встроенная антресоль с заклеенными обоями дверцами.

Я прошёл по скрипучим паркетным доскам в гостиную, остановился на пороге. Маленькая проходная комната с одним большим окном-балконом. У стены тёмно-коричневая «стенка» не первой свежести, в которой полки между собой делили книги и фаянцевая подарочная посуда. Тут же – ча-

сы, фотографии в рамках, небольшой пористый камень. Напротив столика с телевизором – диван – кровать. У дальней стенки, по правую руку от меня, – тяжёлый стол с двумя тумбочками, сложенные стопкой бумаги, раскрытый журнал с мятыми глянцевыми страницами, подставка для ручек.

– А там что? – Я указал на закрытую дверь напротив.

– Спальня, но дверь заперта, – ответил Савохин, прошедший вслед за мной. – А тут кухня у нас. Плита работает. Газ пока не отключили. Вот тут вентиль повернуть нужно будет, если захотите чайник, там, подогреть, или приготовить чего поесть. Холодильник, кстати, пустой.

Нотариус деловито прошёлся по квартире, осматриваясь, вышел из кухни и вернулся в гостиную. Остановился возле балкона, с шумом отодвинул тюль и открыл форточку.

– Балкон, конечно, немного в ненадлежащем виде...

Я его слушал вполуха, разглядывал фотографии на полке. Из-под пыльного стекла на меня смотрел Денис Краснов, улыбающийся, небритый, в брезентовом анорাকে и грязных джинсах, с гитарой на плече. Смотрел Денис Краснов строгий, в костюме с галстуком, окружённый так же одетыми мужчинами, один из которых пожимает Денису руку. Смотрел Денис Краснов, со смущённым лицом держащий на руках смеющуюся девушку.

И последним на меня смотрел я сам, обнимающий за плечи молодого Дениса Краснова в солдатской пятнистой форме.

Меня вдруг словно что-то кольнуло в груди, стало стыдно и неловко. Как я мог забыть, даже не поинтересоваться?

Я, не поворачивая головы к нотариусу, чтобы ненароком не встретиться с ним глазами, хрипло спросил:

– А что с ним произошло?

– Вы имеете в виду Дениса Семёновича? Обвал в шахте, – как-то буднично ответил мне Савохин. – Тут иногда такое случается. Сами понимаете, работа под землёй всегда связана с риском.

– Кем он работал?

– Кем-то в отделе по консервации шахт.

– А хотел учителем...

– Ну, этого я не знаю. Может быть, только последняя школа пять лет назад закрылась. Видимо, после этого Денис Семёнович и пошёл в Горную Управу.

– Так это значит, что он дарственную на меня оформил незадолго до гибели? – озвучил я пришедший в голову вопрос. – Зачем? Он не говорил?

– Нет, не говорил. – Савохин покачал головой. – Но вы не берите в голову, в шахтёрских городках такое не редкость. Как я уже говорил, риск для жизни большой, аварийные случаи со смертельным исходом нет-нет, да происходят. Потому многие предпочитают квартиры переписать на родных, на жён или детей. Вы Денису Семёновичу сослуживцем приходите, если не ошибаюсь?

– Да, но мы после армии и не виделись ни разу. Как-то

первое время письма ему писал, но потом всё угасло само собой, контакт затерялся. Оттого для меня телеграмма ваша такой неожиданностью стала, всё-таки почти десять лет прошло с момента, как мы с Денисом последний раз виделись.

Я кивнул в сторону армейской фотографии.

– Причину выбора именно вашей кандидатуры на оформление дарственной Денис Семёнович не озвучивал, если вы об этом. – Савохин посмотрел на меня поверх очков. – Распросите его друзей, близких, если найдёте.

– А вы?..

– Мне о них неизвестно, я не интересовался. Если есть желание, то сходите в Управу, возможно, там вам скажут, с кем он общался. Теперь прошу извинить меня, другие дела ждут.

Я отвлёкся от своих тягостных дум и критически посмотрел на нотариуса Савохина. Вот ведь истинный юрист – врёт и не краснеет. Какие у него могут быть дела? Все клиенты уже по ту сторону гор, а он всё делает видимость чрезвычайной занятости. Мало того, что вообще не эталон приветливости, так ещё и поскорее избавиться хочет. Или зря я так? Ведь печатал что-то... Да ну его, в конце концов! Пусть катится, куда хочет, мне нужно побыть одному, переварить события дня.

Савохин отлепился от подоконника, прошёл мимо меня к выходу. На пороге оглянулся:

– Папку с документами я оставил на кухне. Будут вопросы

– приходите. Прощайте.

– Подождите! – окликнул я его, пронзённый мелькнувшей мыслью. – А во сколько завтра вертолёт прилетает?

– В три часа дня. Что-то ещё?

– Да... Наверное... Где у вас магазин? Или столовая какая-нибудь? Я бы пообедал.

– Магазин в соседнем доме был. Сейчас не знаю.

– Спасибо.

Савохин кивнул и вышел из квартиры, прикрыв за собой дверь. А я, влекомый каким-то импульсом, подошёл к окну, упёрся лбом в стекло и смотрел ему вслед. Нотариус вышел из подъезда и, ссутулившись, пошагал по дороге вдоль проезжей части, чуть покачивая своим кожаным чемоданчиком. А я вдруг подумал о том, отчего он сказал «Прощайте»? Как-то это слово звучит по-киношному, сейчас так не говорят. Сейчас говорят «До свидания», «Пока», «Увидимся» или псевдомодное «Бай-бай». Но никак не «Прощайте», это слишком драматическое слово. Такое, конечное, что ли. Не подразумевающее продолжения. И отчего-то после такого слова обязательно должен звучать выстрел. Стереотип, видимо, опять же, из фильмов. «Прощай, ничего личного!» – и БАХ! из пистолета. И титры.

Не говорят сейчас «Прощай». Современные люди не любят явных контрастов. А это слишком контрастное слово, в нём совсем нет позитива новой встречи.

Впрочем, может, нотариус как раз хотел подчеркнуть, что

больше не хочет меня видеть? Или просто намекнул, что мы больше не увидимся? Странные, странные люди населяют тебя, Славинск, город-котелок.

Я повернулся к окну спиной, заняв на подоконнике место ушедшего юриста, и окинул взором комнату.

Если бы тут жил я, то мебель бы расставил иначе. Как-то сухо она стоит, очень правильно, рационально. Ничто не выделяется, всё одинаковое. Никаких округлостей, сплошные горизонтали и вертикали. Никаких излишеств. Прямо подчёркивает характер хозяина.

Зачем ты мне оставил всё это, Денис Краснов? Почему именно мне?

– Так, ладно. – Я хлопнул ладонями по поверхности подоконника и выпрямился. Оставим загадки на вечер. Сейчас нужно, пока не стемнело, найти магазин и купить что-нибудь на обед. Пельмени, пожалуй, вполне подойдут.

На всякий случай я прошёл на кухню. Проверил газ, воду. Щёлкнул пару раз выключателем. В отличие от газа и воды, электричества действительно не было. Заглянул в холодильник и удостоверился, что он пуст. Бросил взгляд на лежащий на столе серый конверт, но трогать не стал. Удовлетворённый осмотром, направился на улицу.

Я вышел к дороге и встал на распутье, засунув руки в карманы пальто. Посмотрел в одну сторону, в другую.

В отличие от приснопамятных витязей у разъездного кам-

ня, которым приходилось выбирать из трёх зол меньшее, я не был отягощён моральным выбором и мог пойти по любой дороге. Это мне и нравилось в гулянии по незнакомым городам. Ведь в какую сторону не иди, всё равно за каждым домом, за каждым поворотом тебя ждёт что-то неизвестное, то, чего ты не видел. И пускай все подобные промышленные городки похожи друг на друга, в них сложно отыскать более-менее памятные и исторические места, но сами жители так или иначе оставляют свои следы на всей этой шаблонности. Будь то дворик умельца-столяра, который заставил всю территорию деревянными поделками. Или разрисованная модным ныне граффити стена. А иногда нет-нет, да и встречаются дома необычной формы или структуры. Особенно мне нравились те из них, у которых необычный внешний вид был предопределён не фантазией архитектора, а смешением случаев и обстоятельств.

Так в каком-то из провинциальных городов я видел дом, висящий между двумя соседними домами. Бревенчатый сруб с обеих сторон обстроили кирпичными домами, да так плотно, что после покраски нельзя было различить места переходов. А потом что-то там случилось, возможно, подземные воды подмыли фундамент или грунт осел, но в один прекрасный момент земля под деревянным домиком ушла вниз, оставив незадачливое строение висеть между крепкими плечами соседей. Там так и осталась невысокая арка, в которой предприимчивые местные жители протоптали дорожку.

Я, наконец, принял решение и пошёл в левую сторону, противоположную той, откуда мы с нотариусом пришли. На всякий случай я ещё раз посмотрел на табличку, привинченную к дому, чтобы лучше запомнить улицу и номер дома. Отметил, что напротив дома находится решётчатый забор с двухэтажным зданием в глубине. Надпись на тёмно-бордовой вывеске отсюда я разглядеть не смог. Для себя решил, что это детский сад или нечто муниципальное.

Погода навевала меланхолию. Я неторопливо шагал по улице, шлёпая по лужам, осматривал окрестности. Прошёл мимо ещё одной пятиэтажной «хрущёвки», мимо двухэтажных деревянных бараков, мимо заброшенной стройки. Дойдя до перекрёстка, остановился. Куда идти? Да и в ту ли сторону вообще пошёл? Надо найти какого-нибудь аборигена, уточнить дорогу. Как бы мне ни нравилось гулять, но голодный желудок уже начинал напоминать о себе.

Местного жителя я заметил на автобусной остановке под ржавым козырьком. Сгорбленная старушка с шалью, натянутой на голову, сидела на выцветшей скамейке со сложенным пакетом на коленях. На моё приближение отреагировала лишь косым взглядом водянистых глаз.

– Доброго дня, – обратился я к ней. – Не подскажете, где здесь магазин?

Старушка чуть повернулась ко мне, подслеповато щурясь, скрипучим голосом ответила:

– Тебе продуктовый, что ли?

– Да.

– Это тебе назад нужно, по Солнечной, до стройки. Перед стройкой налево повернёшь, там тропинка будет между кустов. По тропинке пройдёшь и выйдешь прямо к продуктовому.

– Спасибо. – Я благодарно кивнул, приветливо улыбаясь, развернулся и пошёл назад, к стройке.

– Только ты бы лучше к аэропорту пошёл, – раздалось вдруг сзади.

– Почему? – оглянулся я.

– Так ведь не найдёшь же продуктовый-то, – озабоченно проговорила старушка.

– Найду, – вновь улыбнулся я – Вы всё понятно объяснили. Я как раз в той стороне живу, мимо стройки только что прошёл.

– Вот непонятливый. – Бабуля с укором посмотрела на меня. – Иди лучше к аэропорту, а то только зря время потеряешь.

Я пожал плечами, мол, моё дело. И продолжил путь.

Странная бабка. По себе, что ли, меряет? Не найду! Чего тут искать, вон уже и брошенный башенный кран видно. До аэропорта добрых полчаса ходьбы, к чему пилить в такую даль? Сама еле ходит, плутает, небось, в трёх соснах из-за обширного склероза...

Не доходя до стройки, я заметил уходящую налево протоптанную дорожку. Она уходила в разлапистую поросль

неухоженных кустов акации и где-то там сворачивала за стройку.

Я пошёл по тропинке, озабоченный своими мыслями. Как-то незаметно кусты сменились высоченными зарослями крапивы, в глубине которых можно было различить строительный мусор в виде брошенных чанов из-под цемента и расколотых бетонных плит.

«Везде одно и то же, – подумал я. – Где строят, там и бросят».

И вышел к разветвлению тропинок.

– О-па. – Я остановился. – А об этом старушка не предупреждала.

Свернул налево, предполагая, что правая тропинка ведёт вокруг стройки. Пройдя ещё немного, переступив через лежащий поперёк дороги старый фонарный столб, я вышел на асфальтированную дорогу. С удивлением понял, что вновь попал на улицу Солнечную.

Усмехнувшись собственному пространственному кретицизму, развернулся и вновь пошёл по тропинке. На развилке повернул направо. Миновал покосившийся фрагмент бетонного забора, одиноко торчавший из крапивы, прибавил шагу, увидев просвет.

И ещё на подходе узнал улицу Солнечную.

Я растерянно оглянулся. Нет, я не вышел по ту сторону стройки. Я всё ещё стоял в начале своего пути, будто бы и не ступал на эту идиотскую тропинку!

Что тут не так? А, ну конечно! Местная дурацкая шутка! Закольцевали тропинки, чтобы они незаметно поворачивали назад. А я как мышь в лабиринте, кроме высоких зелёных стен ничего и не вижу, теряя общую перспективу. Ай да умельцы. Весело, наверное.

Я посмотрел в направлении остановки. Старушка всё так же сидела на ней, опустив голову в вязаном платке и сложив руки на пакете. И она не давилась от смеха, как я было подумал.

Третья попытка тоже не увенчалась успехом. Пройдя по левой тропинке и так и не почувствовав закругления, я опять вышел на Солнечную.

Однако, ситуация начинала бесить. Хорошо, что хоть за своей озадаченностью я несколько забыл про голод, но сколько ж можно плутать?

В четвёртый раз я шёл уже со знанием дела, то и дело подпрыгивал, стараясь держать в поле зрения единственный видимый ориентир – стрелу крана. Когда вновь вышел на перепутье, то эта стальная ажурная конструкция оказалась akurat за моей спиной.

– Не дождётесь, – неизвестно кому буркнул я, поднял воротник пальто, спрятал пальцы в рукава. И пошёл, продираясь и защищая лицо, прямо, промеж двух тропинок. Сквозь ломающиеся стебли крапивы, слепо спотыкаясь о торчащие из земли арматуры...

Выйдя на Солнечную, я начал громко материться, что слу-

чается со мной нечасто. Вновь бросился по единственной тропинке, будто в бой. И остановился на перепутье – теперь дорожек было три. И я точно знал, я это всем своим существом понимал, что любая из них вновь приведёт меня к исходному пункту.

Тогда я сдался.

От магазина возле аэропорта до пересечения проспекта Труда с улицей Солнечной меня подбросил молчаливый шофёр на старой гроыхающей УАЗе-«буханке». Я несколько раз пытался разговорить его, но тщетно. Я даже рассказал ему о случившемся со мной происшествии с загадочными тропинками, но он лишь ухмыльнулся. Ну, хоть денег за проезд не взял, кивнув в ответ на моё «Спасибо».

В маленьком магазинчике, расположенном на первом этаже жилого дома, мне удалось закупиться не совсем тем, что я хотел, – пельменей не оказалось. Впрочем, я приобрёл килограмм картошки и две банки тушёнки, хлеб и коробку индийского чая. Практически без размышлений купил две бутылки коньяка неизвестных мне марок, на пробу. Надо Дениса помянуть. Да и впечатления от моих мытарств как-то притупить.

Ещё нервировал высокий закруглённый горизонт. Создавалось впечатление, что сидишь в яме и постоянно натыкаешься взглядом на её края. Куда бы я ни посмотрел, везде поднимались серые с бурыми пятнами стены, на которых ме-

стами можно было заметить разводы тёмно-зелёного. Вспомнились слова Шишова о пропавшей группе туристов. Как они умудрились затеряться? Тут всё кольцо гор просматривается с крыши любого дома.

Как бы то ни было, необычность Славинска меня утомила. Глупая вышла поездка, скажем прямо. Глупая поездка в грязный, никому не нужный город. Надо пофотографировать, что ли. На камеру мобильного. Всё равно связи нет, пусть хоть как-то послужит. Вопрос на засыпку – где здесь Интернет-салон? Ответ – уже нигде. Ха-ха.

Я криво ухмыльнулся своему отражению в пыльном стекле кухонного окна и отсалютовал гранёной стопкой с коньяком. Стопку я взял из шкафа, нашёл среди чайных чашек и тарелок. Мне подумалось, что Денис принёс её откуда-то из другого места и потом попросту поставил на полку для посуды, машинально. Я и сам несколько раз грешил подобным, обнаруживая потом, к примеру, сахарницу в холодильнике. Такое случается, особенно когда занят своими мыслями. Какими мыслями ты был занят, Денис?

То ли от выпитого, то ли от вынужденного одиночества, но мне стало грустно. Захотелось послушать какую-нибудь грустную музыку.

Я залпом выпил коньяк, с каким-то демонстративным стуком поставил стопку на стол. Чуть помедлив, налил ещё.

Эх, Денис, Денис... Наверное, чем-то я заслужил такое к себе отношение с твоей стороны? Будем честными, ты – по-

следний, о ком бы я подумал, случись мне составлять завещание. Или даже нет, не так. Я бы очень удивился, если бы вспомнил о тебе, составляя завещание. И не потому, что ты был плохим человеком, нет! Просто, с чего бы вдруг? У меня есть одноклассники, с которыми нас некогда связывало аж десять лет учёбы, но потом дорожки разошлись. Есть однокурсники. Есть бывшие товарищи по работе. Бывшие подруги. Бывшие соседи по купе в поезде. Меня прямо-таки окружают бывшие, не всех я даже могу вспомнить по имени или по лицам. Кто-то из них оставил более явный след в моей жизни, кто-то промелькнул одним рукопожатием. Но все они – не те, которые будут стоять возле моего смертного одра. Те, кому я завещаю... завещал бы свою квартиру, допустим. Хотя – я бы не взялся утверждать, что все те, кто пришёл услышать мои последние слова, это самые лучшие из всех тех, кого я когда-либо знал. Ну, вот кто там будет? Дети, внуки, жена? Каждый в душе смирился с моей кончиной и уже с нетерпением ждёт вкусного куска пирога из завещания. Дяди-тёти, стандартный набор? Этим обычно вообще по барабану, они пришли поесть и рассказать свежие сплетни. Возможно, коллеги, может, соседи? Что-то я себе грандиозные похороны навывдумывал. И вообще получается, что я должен буду оставить нажитое за всю жизнь наследство этим пришедшим людям, чьим достоинством в данный момент является то, что они просто пришли?

А вот если бы собрать всех тех, кто когда-либо был со

мною добр, сделал мне хорошее дело или оказался в нужное время в нужном месте. Собрать их всех и сказать, тепло от души. Сказать: «Спасибо, без вас мне было бы жить намного тяжелее». И одарить чем-нибудь эдаким. Чтобы они почувствовали благодарность и ещё раз поняли, каким я был неплохим человеком...

Стоп, благодетель. Тебя уже не в ту степь понесло. Что там, остался ещё коньяк? О-па, пролил немного... Эк я надрался...

Какая-то мысль юркой лентой проплыла в хмельном мозгу и почти уже скрылась, но я ухватил её за самый хвостик! Ну-ка, ну-ка... Точно! Денис позвал меня не просто так. Денис хотел этим что-то сказать. Денис никогда и ничего не делает просто так, он очень, очень логичный. Логичный и последовательный. Это какая-то шарада. Ребус, величиной с квартиру. Что-то тут есть, что-то... Надо найти!

Дальнейшее я помню плохо. Уронив табурет, я неверной походкой направился в комнату. Что-то искал среди книг. Потом пробовал включить телевизор, не понимая, отчего тот не реагирует. В сгустившихся сумерках безрезультатно щёлкал выключателем, пытался найти пробки, чтобы починить свет. Вспомнил, что света нет. Бродил в темноте со спичками. Что-то искал в прихожей. Кто-то стучал в потолок, и я решил идти спать...

5

Я скинул с лица колючее покрывало, протёр лицо руками, слегка массируя. И только после этого открыл глаза, уставившись в потолок с ниточкой паутинки в углу. В окно струился бледный свет, в окно было видно серое небо.

Похмелья практически не было. Немного болела голова, немного давило на виски. Но, в целом, чувствовал я себя вполне сносно. Либо это был всё же хороший коньяк, либо местные туда что-то подмешивают. Скорее всего, второе: что-то меня вчера быстро накрыло. Сколько раз зарекался покупать спиртное в маленьких провинциальных сельпо. Ничему меня жизнь не учит. Хорошо, что хоть не траванулся.

Я сел, спустив ноги на пол. Вещи на мне изрядно помялись, пояс брюк съехал на сторону. Помню-помню, раздеваться было лень.

Медленно, словно капитан подводной лодки перископом, я обвёл взглядом комнату. Всё было на своих местах, кроме пары упавших с полки книг. Это я там искал вчера что-то. Ну, хоть ничего не сломал.

Я глубоко вдохнул, с шумом выдохнул. Поморщился, потому что в висках сразу застучало. Определённо нужно попить, во рту словно отряд пионе...

Моя рука наткнулась на что-то холодное и продолговатое,

лежащее в складках покрывала. Я с удивлением извлёк на свет жестяную коробочку из-под леденцов-монпансье, перетянутую чёрной резинкой для бигуди. Внутри загрохотало с металлическим звуком.

Не понимая, чем меня могла вчера заинтересовать эта коробочка, я стянул резинку и, поддѐв ногтем крышку, поднял её.

Внутри лежали ключи. Много разных ключей, без бирок и подписей. Вот этот, с квадратным ушком, явно от шкафа. Этот длинный – от почтового ящика, у меня дома такой же. Эти два, видимо, от квартиры, запасные. О, ещё пара ключей, которые раньше поставляли комплектом к мебели – тонкие, блестящие, с одним зубчиком.

Не найдя для себя ничего сколь бы то ни было интересного, я поставил коробку на тумбочку подле кровати. Сейчас, первым делом, нужно попить и привести себя в порядок. Слава богу, что вещи не распаковывал, не будет нудных сборов и попыток вспомнить о забытых мелочах. Сколько времени? О, первый час. Неплохо же храпанул. Чѐрт, а если бы проспал? Вот тупица, мог бы и будильник поставить!

Я прошлёпал на кухню, налил воды из графина. Тѐплая вода неприятно скользнула по небу и провалилась в желудок, но стало лучше. Я зажѐг конфорку, поставил греться белый эмалированный чайник. Сладкий чай сейчас не помещает.

Убеждаясь в мысли о том, что выпитый накануне коньяк был палѐным, я бегло пробежался по квартире. Собрал рассыпанную мелочѐвку в виде сотового телефона, часов и мо-

нет от сдачи в магазине, которые высыпались на ковёр из кармана брюк. Наскоро почистил зубы, рассматривая своё опухшее лицо. Да, раньше после попок я выглядел лучше. Старею.

Чай пил пустой, потому как запомнил купить хотя бы сыру. Чашку мыть не стал, оставив в раковине.

Ровно через час я был готов покинуть свою ночлежку. Я стоял в коридоре с сумкой в руке, бросил последний взгляд на квартиру Дениса Краснова. Внутри что-то неприятно потянуло, такое стыдливое беспокойство. Нужно ведь было могилку посетить. В шкафах фотографии поискать, взять с собой. Тут же есть какие-нибудь ценные для Дениса вещи, чем он дорожил. Ему было бы, наверное, приятно, возьми я их себе на память. А то всё же разворуют.

Что-то последнее время слишком много раз мне становится стыдно. А отчего? Я просил эту квартиру? Просил отрывать меня от повседневных забот и дел? Нет. И квартира мне эта не нужна. Только в горячечном бреде можно променять мою трёхкомнатную на эту, в богом забытой дыре. Хоть компенсацию получу за все неудобства.

Но самооправдательная злость не помогла, неловкость и стыд не отступили. Тогда я схватил с трюмо маленькую металлическую статуэтку африканской девушки, бросил её в карман пальто и скорым шагом вышел в подъезд. Захлопнул дверь, гулко защёлкнул замок на два оборота. Вдыхая прохладную сырость каменных пролётов, пошагал по ступеням

вниз.

Улица встретила меня лёгким запахом пряностей. Я обвёл взглядом двор, внутренне поёжившись от окружающего запустенья. Разросшиеся кусты вдоль тротуара тяжёлыми ветками топорщатся в разные стороны. Песочница с поломанными деревянными бортиками, ржавая качель, покосившиеся скамейки. Как всё же быстро слетает налёт ухоженности с забытых вещей. Как же быстро природа ломает созданное человеком. Впрочем, мы несколько не уступаем ей в скорости.

Шагая по пустынной улице, я невольно озирался по сторонам. Вспомнился виденный по телевизору город Припять, из которого радиация выгнала всё живое. А мой крестовый поход в продуктовый? Кому рассказать, так не поверят. Надо же было заблудиться в крапиве. Читал где-то, что в пустыне, при отсутствии ориентиров, всегда ходят по кругу, потому как толчковая нога направление задаёт. Хотя расстояния немного не те, да ну и ладно, голову потом ломать буду. Если захочется.

А ведь я таким и запомню Славинск, безлюдным и немного мистическим. Запомню не место, но атмосферу.

Чем ближе я подходил к аэродрому, тем сильнее улучшалось настроение. Шаг стал бодрее, я даже улыбнулся одинокому прохожему, шедшему навстречу. И всё равно, что он даже головы не повернул. Мне уже, по большому счёту, было наплевать на этих суровых шахтёров вместе с их умира-

ющим городом-недоразумением.

Проспект Труда я пролетел, не заметив, как. Прошагал мимо закрытых магазинов, мимо курящего на ступеньках подъезда старика, мимо покрытой толстым слоем грязи припаркованной «копейки». Бросил взгляд на часы. Пять минут третьего. Целый час до прилёта Шишова, ну да не беда. Посажу на скамеечке. Можно, конечно, зайти к Степанову, но отчего-то не хочется. Видимо, я уже всем существом был по ту сторону гор и не хотел лишний раз контактировать с местными. Да и решительно не знаю, о чём с ним разговаривать.

Обойдя громоздкое здание администрации, я вышел на финишную прямую. Невольно ускорил шаг, поправляя съезжающую с плеча сумку.

Навстречу шла полная женщина с тележкой, на которой дама тащила огромную клетчатую сумку-баул. Ещё через несколько метров – коренастый мужчина в натянутой на глаза кепке и с перетянутой бечевой коробкой из-под микроволновки в руках. За ним – ещё один, в мятом плаще и в фетровой шляпе, с чёрным кожаным чемоданчиком. Вид у них был, прямо скажем, подавленный и раздражённый. Женщина держала у лица платок, поверх которого влажно поблёскивали покрасневшие глаза, мужики в голос матерились.

Что ещё за демонстрация? Трое человек вместе? Это, по меркам Славинска, уже толпа. И идут от аэродрома. С вещами.

В душе вдруг проклюнулась неясная тревога. Я оглянулся

на прошедших мимо, словно ища ответ. Неужели вертолёт не прилетел? Так ведь рано ещё. Или прилетел, но уже улетел? С Шишова станется, ему на график наплевать.

Я почти пробежал оставшееся до взлётного поля расстояние и, вытянув шею, устремился дальше. Слава богу, вертолёт был на месте. Он застыл зелёной машиной в центре посадочного круга, уныло развесив длинные лопасти. А возле него копошилась толпа народа, словно муравьи возле сахара.

Почувяв неладное, я припустил по покрытому трещинами асфальту, придерживая бьющую по боку сумку. Ботинки гулко стучали каблуками, хлопали по лужам, обдавая грязными каплями брюки. Краем глаза заметил стоявшего возле дверей диспетчерской Карчевского, геолога-рецидивиста. Бородач расслабленно привалился плечом к дверному косяку и, казалось, с нескрываемым интересом наблюдал за происходящем, попыхивая сигаретой.

Я добежал до скопления людей, остановился, чуть не врезавшись в стоявших. Тяжело дыша, попытался разобраться, в чём же дело.

Гул голосов неодобрительной нотой висел в воздухе. Здесь было человек двадцать, все с вещами, с баулами, рюкзаками. И все они были недовольны, рассержены, злы. Они качались, силясь рассмотреть кого-то впереди, ругались друг с другом, топали ногами. Спустя секунду я всё же различил в этом многоголосье отдельные фразы, услышал знакомый хамовитый голос и всё тут же встало на свои места.

– Граждане, вертолёт не резиновый! Нечего напирать грудью! – Этот гневный крик принадлежал пилоту Шишову, которого я никак не мог разглядеть. По-видимому, он стоял возле пассажирского люка. – Больше, чем есть, всё равно не подниму!

И тут же нестройные голоса вторят ему хором:

– У меня муж в больнице, мне нужно...

– Мне обещали, что...

– Сколько можно ждать...

– Прозябайте тут сами...

Я немного отошёл в сторону и смог разглядеть макушку пилота, который отчаянно махал руками, отталкивая от себя людей.

– Идите вы в жопу, уважаемые! – рявкнул Шишов. – Я с вами по-хорошему, а вы как...

– Мне нужно на большак...

– Довели страну...

– Да поймите же вы...

– Я горбатился не ради того, чтобы...

Пилот грубо вырвал рукав из чьих-то цепких пальцев, застучал ботинками по лесенке, поднимаясь в кабину.

– К вечеру вернусь за второй партией, – бросил лётчик через плечо, злобно скалясь.

Как так вышло, что Шишов появился в Славинске раньше срока и все места тут же оказались занятыми? Я бросил взгляд на часы. Да нет, всё верно, ещё оставалось почти со-

рок минут до назначенного времени.

С хлопком закрылась дверь кабины пилота. Толпа качнулась было вперёд, но тут же, под общий разочарованный выдох, подалась назад, когда Шишов завёл турбины. Дрогнули лопасти, стали медленно раскручиваться.

Увлекаемый расходящимся народом, я на деревянных ногах сделал несколько шагов прочь от вертолётa. И с грустной обречённостью, с обидой обманутого ребёнка проводил взглядом улетающую машину. Как же так вышло, что я не оказался на ней?

Шишов сказал, что вернётся позже, ближе к вечеру. Что ж, похоже, ещё есть шанс покинуть Славинск сегодня. Жаль, конечно, что придётся проторчать несколько часов, ну да что уж теперь. Сам виноват, мог бы догадаться, что возможен такой ажиотаж с отбывающими. Буду умнее впредь, сделаю скидку на местный фактор.

Аборигены расходились, покидая взлётную площадку. Я с презрительным неодобрением посмотрел на удаляющиеся серые фигуры. Как они некрасиво вели себя, словно дикари. Кричали, ругались, толкались. Устроили самый настоящий базар. Шишову можно лишь посочувствовать, возить такую публику – занятие крайне неприятное. Ну и что, что не хватило мест, не конец же света? Нужно как-то по-людски, не теряя лицо, достоинство. Я вот, к примеру, расстроен, но не впадаю же в истерику... Наверное, они тут все много пьющие...

– Что, не влезли? – окрикнул меня Карчевский, который всё так же подпирал косяк двери диспетчерской.

Я посмотрел на него, на его прищуренные глаза, на криво ухмыляющийся в недрах бороды рот. И решил не затевать перепалки с этим грубым типом, который явно насмехается над моим положением.

– Да, сами видели. – Я позволил себе улыбнуться. – Не успел.

– Бывает, – философски протянул геолог и вновь продемонстрировал мне свойство местных быстро переходить на «ты». – Ладно, не стой там. Пошли, чаю попьём.

Он махнул рукой, приглашая идти за собой, и скрылся внутри ветхого здания.

Что мне оставалось делать? Шишов сказал, что прилетит вечером. В свете увиденного мной, покидать вертолётную площадку до его прилёта было бы верхом глупости. Что ж, скоротаем время до отлёта в обществе малознакомых людей.

Я ещё раз бросил взгляд вслед улетевшему вертолёту. Того уже и след простыл, винтокрылая машина скрылась за горной грядой. Ничего, зато вечером я буду в числе первых, это к гадалке не ходи.

Я усмехнулся, отмечая, что настроение немного улучшилось. И пошагал в диспетчерскую уже бодрой походкой уверенного в будущем человека.

Внутри зала регистрации всё так же царил мягкий полумрак, который не мог разогнать бледный солнечный свет,

люющийся из узких окошек. В глубине играла музыка, что-то классическое.

– Проходите, Игорь, не стойте на пороге, – помахал мне из-за стойки Степанов. – Идите к нам. У нас есть кофе.

Я кивнул, протопал по пыльному полу. Создавалось впечатление, что с момента моего ухода ничего не изменилось. К слову, здесь вообще с каких пор ничего не менялось?

Николай Степанович отодвинул от стола стул, приглашая меня присесть. Да, всё те же, всё там же. Кокон ореола от света лампы с абажуром из пожелтевшей газеты, исходящие паром чайные чашки, рафинад в сахарнице.

– Садитесь, Игорь, угощайтесь. Что, на вертолёт не попали? Олег мне уже поведал.

– Здравствуйте, Николай Степанович. – Я поставил сумку на тумбочку возле шкафа, сделал шаг к столу и занял предложенное место. – Да, вот такая оказия случилась. Места не хватило.

– Это у нас бывает, – кивнул Степанов, сочувственно качая головой. – В последнее время совсем плохо с перевозками, полгода назад ещё три вертолёта было. Сейчас один, да и тот еле пыхтит.

– Имел возможность опробовать, – понимающе улыбнулся я. – Однако страху натерпелся. А что, Николай Степанович, народ у вас тут сильно пьющий?

– А вот видел я вчерась, – как-то едко вставил Карчевский, поглядывая на меня поверх чашки, – как вы променад

от чепка совершали, с бутылью местной амброзии. Обмывали чего али просто так употребляли?

– Да, немного позволил, – сдержанно ответил я. – У меня всё-таки друг умер.

И сразу ощутил укол вины в груди. Чёрт! К чему эти детские оправдания? Да ещё и перед этим хамом!

– Олег, – мягко привлёк к себе внимание Степанов, – уймись. Игорь, наливайте себе кипятку. Вот кофе. Извините, что растворимый. Заварной мы на особые случаи держим. Кстати, вы так и не сказали, нашли вы своего нотариуса?

– Да, – кивнул я, – нашёл. Он мне квартиру показал, которую мне товарищ оставил.

Под приглушённые аккорды пианино, доносящиеся из старого кассетного магнитофона, я сделал себе горячий напиток, помешал ложкой. Отхлебнул мелким глотком. Ммм, а неплохо.

– Хороший кофе, – я утвердительно кивнул, – давно такого не пил.

– Это что, – отмахнулся довольно улыбающийся Николай Семёнович, – если бог даст, я по случаю сделаю вам свой фирменный. У меня специальная турка есть, ручной работы, я в ней варю. Но не на открытом огне, я предпочитаю по-турецки, на мелком песочке. Жар равномернее и со всех сторон, а не только снизу...

– Семёныч, какой случай? – не очень корректно перебил старика геолог. – Он сегодня улетит и заречётся прилетать

назад. Я прав?

Карчевский повернулся ко мне, и я только сейчас отметил, какие усталые у него глаза. Геолог либо не спал несколько дней, либо смертельно загонял себя на работе. Может, поэтому и раздражительный такой?

– Ну, может быть... – неопределённо промямлил я.

– Ой, да ладно тебе! – воскликнул Карчевский. – Не может быть, а точно не вернёшься. Зачем врать-то?

– А я и не вру, – резко парировал я. Мне начинал надоедать его обвинительный тон. – Я просто никогда ничего не исключаю. Никогда не говорю никогда.

– Глупый лозунг, – отрезал Карчевский. – Логическая тавтология, рассчитанная на слабых. Мол, человек себе не хозяин и обстоятельства властны над ним.

– Вы утрируете.

– Отнюдь нет.

– Как вам Славинск? – переменял тему Степанов, бросив сердитый взгляд на замолкшего геолога.

– Да я толком и не посмотрел ничего, – не стал льстить при Карчевском я. – Так, до магазина дошёл и обратно. Уютно, но людей мало. Непривычно.

– Да, людей всё меньше, – согласно кивнул Степанов. – Мы с Олегом даже пытались примерно посчитать, сколько нас тут в конце концов останется. Право слово, цифра плачевная.

– А зачем тут оставаться? – удивился я. – Город же без

снабжения, без энергии, без связи с миром. Это ж верная смерть.

– Ну, не так всё плохо, как кажется. У нас останется маленький вертолёт медицинской службы, радио опять же. Мы сможем связываться с Большой Землёй. Опять же теплицы совхозные остались.

– Но зачем? – не понял я.

– Нас город не отпускает, – грустно улыбнулся старый диспетчер.

Повисла неловкая пауза.

– В каком смысле? – спросил я.

– А куда мне, к примеру, Игорёк, лететь? – поднял на меня глаза Степанов. – К дочери в Оренбург? Так она замужем за военным, вчетвером с ребяташками двумя в общежитии ютятся, в одной комнате.

– Ну всё-таки, – возразил я, – не бросят же, помогут.

– В том-то и дело, что не бросят. Вот только не привык я обузой быть, Игорь. Не привык и не хочу становиться.

– Семёныч у нас из гордых, – поддел товарища Карчевский, – всё сам, всё за всех. Из человеколюбов, филантропов. Всё боится, что кого-то обяжет, оторвёт от дел. Он уже в этой диспетчерской без сменщика второй месяц живёт. Тимуровец, ёжь твою налево.

– Да как же я уйду-то, Олег! – всплеснул руками Степанов. – За маяком кто смотреть будет?

– Да Шишову твой маяк, что козе баян! – парировал Кар-

чевский. – Он по маршруту с закрытыми глазами пролетит. Намастырился уже за десять лет.

– Нельзя без маяка, – не согласился Степанов, – не дураки его придумали и сюда поставили.

– А Шишов сказал, что давно уже маяки не работают, что вслепую летать приходится, – вставил я. И тут же получил довольно болезненный пинок под столом. Прошипев от боли сквозь зубы, я невольно дёрнулся, но, поймав красноречивый взгляд геолога, промолчал. Что ж, позже я с ним поговорю. Нет, ну что за дела – пинать незнакомого человека! Какая бестактность! Ладно, позже выясню, в чём дело.

– Что с вами? – участливо поинтересовался Степанов, заметив, как я демонстративно потираю ногу.

– Икру свело, – криво улыбнулся я, косясь на невозмутимо пьющего кофе Карчевского, – ничего страшного, пройдёт.

– Понимаете, Игорь, – видимо, моё объяснение вполне удовлетворило старика, и он продолжил разговор, – на крыше вышки установлен радиомаяк, который подаёт постоянный сигнал о местонахождении вертолётной площадки. У нас часто бывают туманы, реже облачно, но без этого сигнала очень легко пролететь мимо, врезаться в горы или сесть в городе. Площадка маленькая, сами видели. А техника у нас старая, постоянно что-то ломается и перегорает. Вот я и приглядываю за ней, чиню, меняю детали. Правда, лампы уже на исходе, но ничего, Шишов обещал подвезти. Так что, са-

ми видите, без диспетчера тут никак. Без диспетчера может авария случиться, тьфу-тьфу.

Степанов суеверно постучал костяшкой пальца по столу.

«Интересное кино, – подумал я. – Это что ж получается, что либо Шишов для красного словца про диспетчерские и контроль за небом соврал, либо Карчевский что-то скрывает от своего товарища?»

– Ты вон лучше у Олега спроси, почему ему на Большую Землю не летится, – хитро усмехаясь, предложил мне Николай Семёнович, – а то он, смотрю, думает, что, кроме него, тут никто ничего не делает.

Я вопросительно уставился на геолога. Тот ухмыльнулся в бороду, спрятал маленькую чашку в огромных ладонях.

– Чего молчишь? – обратился к нему улыбающийся старик. – Поведай про свои изыскания.

– Оно ему надо? – кивнул на меня геолог.

– А вы всё же расскажите, – надавил я, – вдруг что-то интересное услышу.

Карчевский дёрнул бровью, мол, смотри сам, предупреждали.

– Горы возле города интересные. Славинск построен на дне древнего вулканического озера, высохшего ещё во времена Оно. Жилы породы уходят очень глубоко по жерлу...

– Инопланетян он ищет, – перебил товарища Степанов, подмигивая мне.

– Семёныч!

– А что, не так?

Карчевский заёрзал, засопел, покосился на меня. Уели таки этого хорохористого. Надо же, наш мужиковатый герой молотка и микроскопа оказался с той ещё чудинкой. Правильно засмушался, взрослым людям всегда стыдно, когда их уличают в подобных увлечениях. НЛО, йети, лох-несское чудовище, эльфы с домовыми – это для домохозяек и романтических подростков. Это не марки собирать, в конце концов.

– А как бы и так, – неожиданно согласился Карчевский, – только вот ответь-ка мне, Семёныч, что ты на сто процентов уверен, что не было их? Что не они это?

– Нет, на сто не уверен, – согласился с ним Степанов. Чем вызвал моё неподдельное удивление. Этот-то куда? И что значит «не было их»? Не было где?

– А что, видели тут НЛО? – спросил я.

– Возможно, – уклончиво ответил геолог. Было видно, что в моём присутствии он этой сокровенной темы касаться не хочется.

Вновь повисло молчание. Как-то сложно беседа строится. Быстрее бы уж вертолёт, что ли, прилетел.

– А я вот тут тоже в такой странной ситуации побывал, – решил похвастаться я, поднимая первую попавшуюся тему, – я бы даже сказал, в глупой. Представляете, в городе заблудился. Практически в трёх соснах.

– Да где ж тут заблудиться-то можно? – засомневался Ни-

колай Семёнович, но Карчевский вдруг заинтересовался:

– погоди ты, Семёныч. Пусть человек расскажет. Ну-ну, и где же это случилось?

– Да в магазин я решил сходить...

Я как можно красочнее, с напускной самоиронией, смеясь, рассказал историю своего блуждания возле стройки. Но ближе к концу рассказа юмор пришлось убавить, потому как я вдруг заметил посерьёзневшие лица своих собеседников, их многозначительные переглядывания. Когда я закончил, Карчевский покачал головой, буркнул, что пошёл курить, поднялся из-за стола и вышел из зала. Старик же как-то озадаченно крякнул, поскрёб щетину на подбородке.

– А в чём дело-то? – Я даже как-то испугался. – Я что-то не то сказал?

– Да нет, Игорь, что вы, всё так. Рассказ ваш просто... Как бы сказать... К теме нашей с Олегом недавней беседы пришёлся. Прямо очень к месту.

– А о чём вы говорили, если не секрет? Николай Семёнович, мне действительно интересно. Я что, не просто так плутал?

– Не просто так. И из города вы уезжаете вовремя. Нехорошо тут становится, – наклонившись ко мне, тихим голосом проговорил Степанов, словно опасаясь, что кто-то услышит. – Вы человек приезжий, вам всего не понять, не заметить. Вы, извините меня за слова, чужак здесь. А вот нам перемены очень даже заметны, очень они бросаются в глаза.

И объяснить мне вам, право, неловко будет, потому как сам я толком ничего не понимаю. Ведь возраст уже, подумаете, что умом ослаб. Вы вот сами краями коснулись – и то нашли для себя какое-то логическое объяснение, а я уже не нахожу, кончились объяснения. Это вам Олежек смог бы рассказать, но он и сам мало что понимает, лишь какие-то теории да гипотезы выдвигает.

Старик замолк и выпрямился, стал насыпать себе кофе из жестяной баночки. Пальцы его дрожали.

Я молчал, ошеломлённый и запутанный. Не каждый день приходится выслушивать такие вот монологи, не научился я реагировать на них. Может, будь я врачом...

– Вы не обижайтесь только, бога ради, – добавил вдруг Степанов. – Может, я загадками говорю, может, запутал вас, испугал. Но вы не берите в голову. А я ничего больше не скажу, и так вырвалось у дурака, понесло. Вам всё равно, а я на вас вывалю тут. Просто вы уедете, и, может быть, случится так, что в какой-нибудь беседе упомянете наш городок. Вот мне хотелось бы, чтобы вы вспомнили какие-нибудь достопримечательности, а не всякую чертовщину. Этот город дорог мне, тут жили и живут хорошие, добрые люди. Не заслужил этот город дурной славы. Вы понимаете меня, Игорь?

– Честно говоря, нет, – покачал головой я, но продолжать расспросы не стал, переваривая услышанное.

Вернулся Карчевский, серьёзный и задумчивый.

– Там люди собираются на площадке, – кинул он мне. –

Ты бы тоже пошёл, очередь занял. А то опять не влезешь.

6

Сейчас уже точно не припомню год, но случилось это ещё в дни моего школьного детства. Как раз был период летних каникул, мы с отцом должны были лететь самолётом к родственникам на юг. Преодолев долгий путь до аэропорта, изнывая от жары в душном зале ожидания, я всё же радовался этому приключению, крутил головой и с интересом разглядывал серебристые авиалайнеры за толстым смотровым стеклом.

Наш рейс по неизвестной мне причине задерживался. Помню, отец с кем-то разговаривал на повышенных тонах, стоя в шумной очереди возле касс. Потом нас проводили в огромное помещение с рядами кресел, как в кинотеатре, и с большими обзорными окнами, заменяющими одну из стен. Тут помимо нас уже были другие люди: кто-то спал, кто-то ел, шурша обёрточной бумагой. Где-то под потолком приятный женский голос из громкоговорителя периодически делал какие-то объявления, которые всегда заканчивались мелодичным «тин-дин-дон».

Ещё при входе в зал я увидел за окном уходящее к горизонту взлётное поле, застывшие крылатые машины, возле которых суетились муравьишки-люди. Похожие на игрушечные, ярко разукрашенные машинки сновали туда-сюда, лихо выкруливая на поворотах.

У меня перехватило дыхание, и я дёрнулся было ко всему этому великолепию, но сильная отцовская рука задержала меня. Отец сказал, чтобы я подождал. И я ждал, приплясывая от нетерпения на месте и бросая мучительно жадные взгляды на открывшийся вид, жалея, что с моего места так мало видно. А вот было бы здорово прижаться лбом к холодной поверхности стекла, прямо-таки носом...

Наконец отец нашёл свободные места на одном из рядов, водрузил на сиденье свою большую спортивную сумку с нашими вещами и вновь велел ждать.

Что может быть хуже ожидания того, что скрывается совсем рядом, буквально в нескольких шагах? Что если рядом нечто, без чего ты, кажется, теперь не то что не уснёшь, а вообще не проживёшь?

О, как долго не было отца! Вечность, целую вечность он ходил где-то, словно специально испытывая меня. От скуки я начал вертеть головой, стараясь насытиться хотя бы окружающим видом.

Вокруг же текла своя неспешная жизнь. Зал ожидания был полон, он гудел сотнями голосов, он пах десятками запахов, он двигался в разных направлениях. Я сейчас не вспомню лиц, каких-то отличительных чёрт, но по своим ассоциациям могу сказать – в те года все одевались преимущественно в тёмные тона. Весь зал был серо-буро-чёрным. Редкие яркие цвета появлялись в этой однородной массе неожиданными болидами, сразу же выделяли из толпы, привлекали

внимание. На таких людях взгляд останавливался сам собой, такие люди сразу же становились объектами оценивания.

Но то у взрослых. У детей было всё куда проще – если яркий, значит, свой. Значит, ребёнок. Значит, можно поиграть, поменяться, похвастаться. Значит можно весело провести время, которое взрослые постоянно стараются занять чем-то унылым и скучным.

Потому я никак не мог обделить вниманием ту девочку, что сидела через три ряда от меня. Зацепившись взглядом за её ярко-жёлтые банты в крупный красный горошек, которые торчали вместе с золотистыми хвостиками над рядами чемоданов и баулов, я даже привстал на цыпочки, чтобы разглядеть получше. Но девочку почти полностью скрывала высокая спинка кресла.

Но эти банты быстро вылетели из головы, потому как вернулся отец, подхватил сумку, взял меня за руку и мы пошагали в камеру хранения. Минуя несколько лестниц и длинный переход, похожий на каменный туннель, оказались в зале пахнущим нафталином и пылью. Отец убрал сумку в ячейку, хмурый мужчина в выцветшем синем халате выдал ему металлический номерок, и мы двинулись в обратный путь. Потом калейдоскопом ещё несколько лестниц и залов – и вот мы уже в кафе, стоит за круглым столиком на длинной ножке. Не вспомню сейчас, что ели и пили, но хорошо отложилась в памяти блестящая вазочка, в которой уютно лежали четыре шарика мороженого, политые сверху шоколадной

глазурью. Глазурь так приятно контрастировала с белоснежной поверхностью пломбира, так ласкала взгляд, что я долго не мог решиться начинать есть эдакое чудо.

После кафе мы вернулись в зал ожидания. Из слов отца я понял, что самолёт будет готов не ранее, чем через несколько часов. В связи с этим я получил на руки целую горсть медной наличности на случай «купить чего и не доставать по пустякам» и относительную свободу передвижений в пределах видимости отца. Родитель отгородился от мира «Советским спортом», и я наконец позволил себе то, чего так давно ждал, – я помчался к обзорному окну!

Я нёсся через весь зал ожидания, лавируя между людьми, обходя баррикады из чемоданов и сумок, перепрыгивая вытянутые в проход ноги. Сердце моё стучало, а на лице сама собой расплзлась улыбка. И мир казался беззаботным, весёлым, осязаемо светлым.

Уже на финишной прямой я не рассчитал скорость, обходя очередное препятствие, и со всего маху влетел в целую гору вещей. Приземлился на что-то мягкое, под грохот падающих коробок и пакетов, под чей-то удивлённый возглас. Не сразу получилось встать, под ногами расплзлось и разъезжалось. Наконец, выбравшись из этой западни, я замер в нерешительности – бежать дальше или всё же как-то повиниться перед людьми, чей скарб я разбросал по всему проходу.

Кто-то засмеялся, кто-то пожурил, кто-то воззвал к совре-

менным ценностям. Люди, сидящие тут же, активно включились в действие, радуясь хоть какому-то событию в период тягостного ожидания. Почти каждый посчитал своим долгом отметить моё падение, пусть даже просто покачав головой. Понимая, что уж раз остался, то нужно загладить свой поступок, я стал судорожно подбирать вещи, чувствуя, как горят от стыда уши и щёки. Мне помогали.

Хозяевами вещей оказались немолодые уже мужчина и женщина. Мужчина был одет в коричневый «канцелярский» пиджак с нашитыми заплатками-налокотниками, помятый и с катышками на брюках. Он слабо улыбался, как-то даже жалко, мелко кивал, будто извинялся перед всеми за такое количество вещей. Женщина в простом тёмно-зелёном платье с брошкой-паучком на плече и со строгим клубком волос на затылке, наоборот, была сосредоточенна и сердита, лишь что-то бурчала себе под нос.

А вот их дочкой как раз и оказалась та самая девчонка со смешными бантами, которую я заметил ранее. Она не помогала собирать вещи и вообще не участвовала в происходящем. На ней было не по сезону тонкое пальто в крупную клетку, худое лицо и огромные глаза, которые заставили меня замереть, забыв на мгновение обо всём.

Цвет глаз я не помню, да и не имеет это значения. Главным было то выражение, которое они транслировали окружающему миру. В них я увидел тоску, какую-то глубинную отстранённость, холодное безразличие. Право слово, у кукол

был более тёплый взгляд, чем у этой девочки. Я у взрослых никогда не видел таких глаз, а уж у детей и подавно. Не может быть у детей таких глаз, не должно быть.

Девчонка сидела, свесил ноги в красных сандалиях, сложив руки на коленях. Она смотрела куда-то сквозь меня, куда-то за пределы и зала, и аэропорта, и города.

Скажу честно – я испугался. Впервые испугался девчонки, которая была если и не младше, то моей ровесницей. Которая не пугала из-за угла, из темноты, а просто сидела и смотрела даже не на меня.

Но вместе с тем страх этот был из терпимых, из решаемых. Это как перед прыжком в воду с вышки. Я понял, что должен познакомиться. Не знаю почему, что-то такое почувствовал. Это, наверное, на уровне подсознания, на уровне восприятия. У детей ещё не заостренное миропонимание, незашоренное, без ярлыков.

Я подошёл и поздоровался с ней. Я сказал, что меня зовут Игорь. Я извинился за погром. Пригласил пойти со мной посмотреть на самолёты через обзорное окно.

После нескольких секунд молчания я услышал тяжёлый вздох матери девочки. Подошёл её муж в мятом пиджаке, мягко взял меня за плечи. Он как-то несмешно пошутил, увлёк меня в сторону. А я всё смотрел и смотрел на лицо девчонки, которое даже не изменилось за время моего монолога.

И уже потом, вдоволь насмотревшись на самолёты, ма-

шинки и человечков, вернувшись к своему отцу, я узнал новое слово – «беженцы». Отец разговаривал с соседом по ряду, они обсуждали новость – где-то в незнакомом мне городе взорвалось что-то промышленное, связанное с атомной энергией. Взорвалось ещё весной, а теперь из опасной зоны эвакуируют людей, потому что жить там стало сложно из-за каких-то болезней. Этих людей расселяют по другим городам, где они всё равно чужие и вообще неизвестно, не являются ли они переносчиками заразы.

А я тут же вспомнил эту девочку. Мне почему-то стало ясно, что именно она с родителями и являются теми самыми беженцами из заразной зоны, что это именно их оторвали от дома и они вынуждены ехать в неизвестность. Хотя нет, это всё я понял намного позже, когда подрос. А тогда мне просто стало жалко эту девочку. Потому что дети выглядят как взрослые тогда, когда у них произошло в жизни что-то очень-очень плохое. А судя по её глазам, она была достойна переживаний за свою судьбу.

Теперь же, спустя много лет, я увидел похожие глаза здесь, в Славинске. Увидел у людей, пришедших на взлётное поле в ожидание вертолётa.

На бровке взлётной площадки сидело несколько человек. Двоих я уже видел здесь сегодня, запомнил. Одним из них был помятый дяденька интеллигентного вида, в плаще и шляпе, он прижимал к груди, словно ценный груз, кожаную папку. Вторым являлся диковато заросший мужик в синей

стёганке и в военной серой шапке-ушанке без кокарды. Он в прошлый раз стоял рядом со мной у вертолётки и угрюмо пыхтел ядрёной папиросой, осыпая меня пеплом.

Тут же, рядом с ними, сидели на чемоданах две женщины средних лет с траурно-печальными лицами, обрамлёнными тёплыми шерстяными платками. Они в полголоса переговаривались, качая головами и бросая быстрые взгляды на близкий горизонт.

Чуть поодаль от них, немного в стороне от бетонной взлётки, стоял чудаковато одетый старик с круглым рюкзаком подле ног. Чёрная морская шинель его была перетянута цветастой шалью, словно португеей, на голове – вязаная шапочка с помпоном и плохо читаемой надписью «Спорт-88». Из рукавов, как реквизит забывчивого фокусника, свисали на резинках толстые меховые рукавицы. Старик сгорбился, облокотился на резную палку, больше похожую на крюкообразный посох волхвов из мультфильмов про былинных богатырей. Ещё большее сходство с лубочными волшебниками придавала седая до белизны борода, ниспадающая на грудь. Он дремал, прикрыв глаза без ресниц.

Посчитав его местным сумасшедшим, я предпочёл подойти к противоположному концу импровизированной очереди.

Время шло. Со стороны города подтянулось ещё несколько человек, которые заняли места возле нашей ожидающей кучки. Тут же запахло дымом от крепкого табака, зашелетели тихие разговоры.

Я откровенно скучал. Более того, чувствовал себя не в своей тарелке. И то, и другое доставляли мне определённый дискомфорт, от которого я решительно не знал, как избавиться. Я поминутно поглядывал на часы, с досадой отмечая, что стрелки словно замедлили свой ход. Начал было разглядывать окружающих, но наткнулся на откровенно изучающие взгляды и не шибко скрывааемые смешки в свой адрес. Смутился, достал почти севший сотовый телефон, открыл приложение с пасьянсом. Впервые в жизни пожалел, что не закачал больше никаких игр, кроме этого нудного переключивания карт с места на место.

Время тянулось. У меня заныли ноги, я устал топтаться на месте. Прошёлся, засунув руки в карманы пальто. Постарался прислушаться к разговорам местных, но кроме каких-то имён и ёмких междометий больше ничего не расслышал. Обратил внимание, что странный старик в шапке с помпоном лишь немного изменил позу, всё так же продолжая стоять в своей древесной дрёме.

В какой-то момент я заметил, что свет из окошек диспетчерской сделался ярче. Степанов включил дополнительный свет?

Но вдруг сообразил, что это не свет стал ярче, а вокруг начало быстро темнеть. Подняв голову вверх, я не смог разглядеть заходящего за горы солнца – небо попросту медленно из серого становилось чёрным.

Над дверью диспетчерской зажёгся тусклый фонарь. Че-

рез несколько минут что-то громко щёлкнуло, и прямо в центр вертолётной площадки ударил яркий луч. Это включился прожектор на верхушке башни.

Народ немного оживился и всё чаще стал поглядывать в сторону гор.

Время почти остановилось, когда наконец я, злой и голодный, услышал далёкий стрёкот двигателя. Сердце моё радостно подпрыгнуло, я даже вытянул шею, чтобы лучше разглядеть в сгущающейся темноте подлетающий вертолёт. И, когда из-за чёрного, практически сливающегося с небом разлома гор вынырнула красная, пульсирующая точка, я даже улыбнулся, довольно крикнув.

Заметили вертолёт и местные. Плохо различимые в тусклом свете двух бледных фонарей, люди стали вставать, что-то суетливо двигать, подтягиваясь ближе к площадке. Голоса стали возбуждёнными, смех немного нервным. Вспыхнуло сразу несколько огоньков от прикуренных папирос. Люди готовились к отлёту.

А тем временем Шишов заходил на посадку. Его винтокрылая машина, мигая огнями, приближалась, превращаясь в чернильную кляксу на фоне чёрного неба. Нарастал шум, стал различим чуть слышимый методичный стук лопастей по воздуху. Вертолёт огромной тучей надвигался на нас.

Я подхватил сумку, поддавшись общему порыву, двинулся к взлётке. Уже не обращал внимания, что толкаюсь плечами с окружающими, что мы всё теснее и теснее сходимся

к единственной желанной точке в центре площадки.

Вертолёт завис над светлым кругом, до нас долетел ветер от винта. Медленно и аккуратно машина пошла на снижение.

Небольшая толпа, частью которой я теперь стал, медленно, но упорно пошла вперёд, словно солдаты в атаку. Все молчали, лишь кто-то натужно сопел рядом.

Мы приближались и приближались к идущей на посадку машине. Ветер хлестал в лицо, в ушах гудело. Я вжал голову в плечи, буквально кощей ощущаю вращающиеся над головой огромные лопасти. Казалось, ещё чуть-чуть, и полупрозрачный диск опустится на людей, разрубая на куски.

Я рванулся было назад, как-то жалко затрепетал в плену плотно идущего народа, но меня, словно на стремнине, влекло дальше, вперёд.

Вертолёт приземлился буквально в нескольких шагах от нас. Уши резало пронзительное завывание турбины, в лицо летел мусор и песок, поднятые воронкой воздуха с земли. Странно, но Шишов и не думал выключать двигатели!

Откинулась дверца, с лязгом выпала лесенка. Внутри вертолёта уже кто-то был, чёрным силуэтом на фоне тусклой лампы, загораживая вход. Чей-то незнакомый голос заревел, перекрикивая гул и вой:

– Семь мест осталось! Давай по одному!

– Чего так мало? – крикнул кто-то из толпы.

– Из Верхних летят люди. Залазь живее, керосин жжём!

Народ вокруг меня сжался взведённой пружиной, закрих-

тел, наподдал. Вот уже какой-то мужик карабкается по лестнице, ему сверху помогают втащить баул. Рядом зашипели рассерженным котом, начали материться. Ещё кто-то скрылся в чреве вертолѐта. Практически за ним – ещё один. Уже трое!

Я всегда считал, что очереди – это стихия городских жителей. Умение вовремя отойти, продвинуться, протолкнуться, опыт езды в переполненном транспорте. Казалось бы, что знает об этом обитатель глубинки? Но здесь, сейчас я столкнулся не с молчаливым терпением и скрытой раздражительностью, которая царит в привычной толчее мегаполиса, а с озлобленной борьбой за выживанием, к которому я не оказался готов. Меня бросало из стороны в сторону, меня зло отпихивали, отталкивали, били ладонью по спине. Как воспитанный человек, пропустив вперѐд одну из женщин, я напоследок получил от неё локтем в рѐбра, отчего даже выругался вслух. Но на самом деле я ощущал свою пассивность, свою невозможность воспринимать эту возню всерьѐз. Мы же взрослые люди, была же очередь! Эй, вас тут не стояло!

Мимо проплыло чьѐ-то перекошенное злобой лицо, я почувствовал, как меня понесло в одну сторону, а сумку, которая повисла где-то на уровне колен, потащили в другую сторону. Я возмущѐнно вскрикнул, рванул, рванул сам... и оказался прямо перед лестницей, ведущей в открытый люк. Оттуда пахло сеном и машинным маслом, я почувствовал идущее тепло, свет. Кто-то большой протягивал мне руку. Я

лишь на секунду замешкался...

– Я не могу больше здесь! – истеричным фальцетом за-
верещали слева, и мне в лицо плашмя ударили чем-то плос-
ким, тяжёлым.

Острая боль в носу, как разорвавшаяся бомба! Перед гла-
зами вспыхнули и поплыли нестерпимо яркие пятна! На гу-
бы плеснуло горячим, я потерял равновесие и упал на бетон,
зажимая лицо руками. Из глаз текли слёзы, я в голос завыл
от обиды и боли. Потом поднялся-таки на колени, слепо по-
шарил вокруг в поисках сумки. Меня грубо толкнули, и я
вновь повалился набок, каким-то краем сознания отмечая,
что пачкаю пальто. До моих ушей донеслись гортанные кри-
ки, хлопок закрываемого люка и нарастающий гул двигате-
ля. Вертолёт взлетал!

Преодолевая нахлынувшую тошноту, я поднялся. Глаза
всё ещё слезились и плохо открывались, нос пульсировал и
ощутимо распухал. Сквозь кривую линзу слёз я смог разгля-
деть, как в небо возносятся красные огни, как они умень-
шаются, как большая туша вертолёта уходит из луча про-
жектора. Огни смазались, потеряли чёткость, расплылись. Я
тыльной стороной руки вытер глаза. Пальцы дрожали. Когда
вновь посмотрел на небо, то уже не нашёл на нём вертолёта.

– Твари, – прошептал я, раздирая слипшиеся губы. – Вот
ведь твари.

Я опустил лицо на свои ладони, которые оказались буры-
ми от запёкшейся крови, запоздало полез в карман пальто

за платком. Аккуратно высморкался, боясь притронуться к больному носу, отёр рот, вытер лицо, руки.

– Вот ведь твари, – вновь прошептал я, не зная, как ещё отреагировать на произошедшее. Подобрал валяющуюся неподалёку сумку со следами чьих-то ботинок на боку, обратил внимание на ещё что-то, валяющееся почти у самой кромки светлого круга, в центре площадки. Присмотревшись, понял, что это кожаная папка, которую держал в руках интеллигентного вида мужичок. Вот кто и чем меня ударил. Козёл.

– Суки, – уже громче сказал я. Сильная боль ушла, её заменила тупая, ноющая. И ещё в груди разрасталась горькая, колючая обида. Она ширилась, становилась всё больше и больше. Её подгоняла мысль о том, что я должен был улететь отсюда, что именно я меньше всех хотел остаться тут. Что я тут совсем чужой, а эти скоты могли бы и подождать ещё пару дней. Так это что ж получается, теперь мне тут куковать несколько суток? Это что, мне тут теперь торчать до следующей недели?! А мне ещё и лицо разбили?!

– Суки! – заорал я, захлёбываясь брызнувшей слюной. – Какие же вы все суки!

Я зло сплюнул, затряс в воздухе кулаками, болтая грязной сумкой.

– Твари! Я вам покажу! Я вас найду, уроды!

Пнул валяющийся камень, который больно отбил палец на ноге. Вновь чертыхнулся. Повернулся. Заметил стоящего в своей задумчивой позе странного деда с белой бородой. Он

с неподдельным сочувствием наблюдал за мной. Но судя по тому, что он с прилёта вертолёта до сего момента не сдвинулся с места, то улетать этот псих не собирался. А остальные, значит, улетели!

– Милый у вас городок, уважаемый! – крикнул я ему. – Гостеприимный.

Дед состроил мину, мол, ну зачем же вы так.

Я зло покачал головой, остервенело принялся отряхивать полы пальто, брюки. Что дальше? Что теперь мне делать? Ну, твари...

– Эй, потерпевший, – услышал я вдруг знакомый насмешливо-деловитый басок, – ходи сюда, помогу.

– Да пошли бы вы со своей помощью! – Тон стоявшего в дверях диспетчерской Карчевского меня задел, и я вновь взвился, как сухой порох от искры. – С вашими шуточками и ужимками! Пошли вы все с вашим долбаным городом, уроды! Суки! Что я вам всем сделал? Что?

Я завёлся не на шутку. Будучи спокойным человеком, я расхожусь до степени бешенства редко, но сегодня меня прямо-таки убили несправедливость и открытое хамство вперемешку с отчаянием и растерянностью.

– Пошли вы все, – кинул я напоследок, чувствуя, что не могу больше стоять здесь, возле площадки своего внутреннего позора. Закинув на плечо сумку, я быстрым шагом двинулся в сторону города, абсолютно не задумываясь, куда именно и зачем, даже не посмотрев в сторону диспетчер-

ской. Мне срочно нужно было побыть одному.

Я уходил в темноту Славинска, опустив плечи и шмыгая разбитым носом. И спиной чувствовал, что меня провожают взглядами сумасшедший старик и геолог-рецидивист.

От ударов в нос лицо не становится мужественнее, это факт. По крайней мере, моё не стало.

Я стоял в ванной и разглядывал свою физиономию в маленькое зеркало на стене. Разглядывал и сокрушённо качал головой. Надо же, один удар, и вот уже человек становится похожим на пропитого бомжа. Одутловатость щёк уже спала, зато под глазами появились тени синяков. Нос превратился в багровую сливу в пол-лица, но, слава богу, оказался не поломанным. Верхняя губа опухла и оттопырилась вперёд.

Я убрал от лица свечу, поставил её на раковину, в заранее принесённый гранёный стакан. Свеча встала криво, и горячий воск принялся медленно стекать по стеклянной поверхности, застывая длинными слезинками.

Я вздохнул. Отстранился от зеркала и оперся спиной о прохладный кафель стены. Вновь приложил к носу смоченный в холодной воде платок, чувствуя, как немеет кожа. Настроение было препоганое.

После того, как я ушёл прочь от злосчастливого аэродрома, я некоторое время бесцельно бродил по улицам, приходя в себя. Не каждый день со мной приключаются такие неприятные ситуации, не каждый день мне бьют по лицу незнакомые люди. Тем более что я сам был жертвой обстоятельств и насилие в свой адрес считал совсем уж незаслуженным. Да

что там, это было просто несправедливо, подло и низко. Ударить исподтишка, неожиданно, подло! В другой обстановке я бы этому вшивому интеллигенту навалял бы, уж к бабке не ходи!

Впрочем, по-настоящему не дрался я давно. Да и «по-настоящему»-то навряд ли вообще когда-либо дрался. Вот так, чтобы до смертного боя, до кровавой пелены в глазах – никогда. Если не считать школьной поры, то весь мой опыт поединков в зрелом возрасте сводился к паре потасовок в институтском общежитии да одной пьяной драке в кабаке. В первом случае всё обычно заканчивалось сопением и кряхтением на полу, когда, сцепившись в неумелом партере, пытались просто придавить друг друга к земле. Во втором же – сотрясением мозга и выбитой от сильного, но неточного удара кистью.

Напомнив эти факты себе, я, таким образом, спустился с небес на землю, покинув грёзы о сладостной мести. Заставил себя успокоиться и обдумать своё новое положение.

Положение было неутешительным, но не безвыходным. Да, благодаря тощему уроду с папкой и хреновой работе общественного транспорта я вынужден куковать в этом каменном мешке под названием Славинск ещё трое суток, до следующего вторника. И уж тогда, когда прилетит Шишов, я не дам всяким дегенератам занять моё место, не позволю.

Но это потом, это отложим до подходящего момента. Что сейчас? Деньги есть, с карточки перед отлётом снял. А ведь

как знал, что пригодятся, как знал. Да и куда мне их тут тратить? Жить есть где. Разве что на еду? Надо будет столовую или кафе найти, не люблю сам готовить. А жить на одних пельменях не очень хочется. Впрочем, ничего, трое суток, если надо будет, и на лапше быстрого приготовления проживу, бывало в студенческие годы и похуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.